

Сергей Бакшеев КОНТУЖЕННЫЙ

Я жив!
Но выжить мог только предатель.

Сергей Павлович Бакшеев

Контуженый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68941650

Контуженный:

Аннотация

Раненый минометчик ЧВК «Вагнер» приходит в себя в госпитале. Его друзья погибли в Донбассе, выжил только он. Его подозревают в предательстве, а он из-за частичной амнезии не может доказать невиновность и корит себя в смерти друзей. Теперь он должен найти и разоблачить предателя, иначе его ликвидируют.

«Достоверный и искренний роман популярного писателя Сергея Бакшеева – первое литературное произведение о ЧВК «Вагнер» (Журнал «Подвиг»).

Содержание

1	4
2	10
3	15
4	25
5	31
6	40
7	49
8	54
9	58
10	64
11	74
12	81
13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Сергей Бакшеев

Контуженный

1

Я слышу надрывный голос: «Прицел шесть – сорок. Угломер тридцать один – двадцать. Огонь! Выстрел!»

Вжимаю голову, распахиваю рот. Боль, темнота. Открываю глаза. Свет. Зажмуриваюсь. Боль жжет в груди, а в голове накатывают волны тяжелой мути.

С опаской разлепляю веки. Не так уж и ярко. Надо мной белая преграда. Не сразу соображаю, что это потолок. Я не в окопе, не в блиндаже и не в раздолбанной снарядами хате.

Взгляд вправо – окно. Настоящее окно с целыми стеклами, а не стена из мешков с песком. За стеклом ветер треплет пожелтевшую листву. Деревья, зеленка – удобное место, чтобы замаскировать миномет. Нельзя терять время, нужно подготовить огневые позиции: основную, резервную и ложную. Серия выстрелов и смена дислокации, чтобы ответкой не накрыло.

И вновь хриплые крики: «Огонь! Выстрел! Огонь!»

Стоп! Я вижу, как шевелятся мои губы. Это мой голос. О чем это я?

Лесопосадка, миномет, огневая позиция. Я отдаю приказ,

тяжелая мина опускается в широкий ствол. Сейчас долбанет! Голова вжимается в плечи, распахивается рот, тело привычно реагирует на привычную работу, но отзывается непривычной болью. Руки скованы, я не могу прикрыть уши – сейчас оглохну! Дергаюсь изо всех сил – и жуткая боль пронзает грудь.

Я в плену?

Страх тисками сжимает сердце. Я перевожу дух и поворачиваю голову влево. Железные спинки кроватей – мечта солдата окопника. Я лежу на такой же. Комфортный плен?

Пытаюсь приподняться, напрягаю тело и – словно нож под ребра! Дикая боль, жгучие слезы до помутнения в глазах и постыдный стон. Я дергаюсь, задеваю какие-то трубочки, об пол разбивается склянка.

Когда взор проясняется, я вижу недовольную девушку в белом халате. На полной груди колыхается бейджик с именем Марина. Белая одежда и крестик в вырезе халата успокаивают.

Но Марина ругается:

– Ты что творишь! Хочешь загнуться? Инвентарь угробил.

Она сдергивает с меня простынь. Я полностью голый. Обе руки примотаны к кровати, левая по локоть забинтована, в правую воткнут катетер, соединенный с капельницей. Наклейки пластыря на бедрах. На груди из левого бока торчат две дренажных трубочки. Верхняя вставлена в мерный си-

фон с прозрачной жидкостью, а нижняя сиротливо болтается. Стекланный сифон я разбил. В нем была кровь, которая сейчас расплывается алой кляксой на светлом полу.

– Где я? – шепчут мои пересохшие губы.

– Из ада выбрался, а рай еще надо заслужить, – зудит Марина.

Она говорит на правильном русском, безо всякого «ще треба». Я не в плену. Здесь наши! Но почему я связан?

Медсестра пережимает пустую трубочку и убирает склянки с пола. Приносит новую бутыл, подвешивает к кровати, вставляет трубочку сквозь пробку, и я вижу, как в сифон сочится кровь. Моя кровь.

Марина делает укол в мой голый зад и объясняет:

– Концы трубок должны быть в физрастворе. Воздух попадет, загнешься. А укол, чтобы на стену не лез.

В целом понятно, но я озадачен. Хмуро смотрю на связанные руки.

Марину вздыхает и поправляет капельницу.

– Ты буйный. Война в голове. С передовой вернешься, развяжем.

«Что со мной случилось?» – хочу спросить я, но не успеваю. Помощь медсестры требуется у другой кровати.

Через какое-то время укол действует. Боль, как внутренний дикобраз, сжимается и замирает под кожей. Если не шевелиться, боль дремлет и не расправляет ужасные иглы. Я так и делаю. Пялюсь в потолок и пытаюсь вспомнить, как я

сюда попал. А в голове по-прежнему тошно и мутно.

Я в больнице, с этим понятно. Далеко от передовой, раз стекла целы. В голове вертятся команды: на позицию, к бою, прицел, огонь, выстрел! Постоянно вспоминается миномет. Я вижу его во всех деталях. Наверное, я минометчик. Выкрикиваю команды – выходит, я командир расчета. Да, точно! Мы прошли через Лисичанск, закрепились на окраине села, а дальше...

Морщусь от досады. Дальше ночь и сплошная темнота.

Надо мной появляется уставший небритый мужчина, ловит мой взгляд, спрашивает:

– Я врач, Юрий Николаевич. Как себя чувствуешь, боец?

Когда-то давно, в прошлой жизни, в фильмах о войне я видел страдания раненых, но не мог представить, насколько это больно. Теперь представляю на собственной шкуре. Но разве я такой один.

– Нормально, – отвечаю доктору. – А что случилось?

– Тебе повезло. Вас накрыло артиллерией. Выжил только ты.

В мутной голове чуть проясняется: ночь, прилет, вспышка, темнота. Я слабо дергаю левой рукой. На лице гримаса от душевной и физической боли. Я выжил, но в каком виде.

Выдавливая страшный вопрос:

– Я целый?

– Переломы пяти ребер со смещением, а также левого предплечья и ключицы. Левое легкое повреждено, схлопну-

лось, пневмоторакс, гемоторакс, – объясняет врач непонятными терминами и заверяет: – Это поправимо, всего лишь вишенка на торте.

Не помню тортов с вишнями, но смысл доходит. Вишенка нечто маленькое по сравнению с большим тортом. Если всё перечисленное всего лишь вишенка...

– А торт? – спрашиваю я.

Врач отводит взгляд.

– Перелом основания черепа, закрытая черепно-мозговая травма, контузия мозга второй степени. Ты восемь дней лежал без сознания.

Тяжелой голове от неприятных слов становится еще хуже.

– И что это значит?

– Сейчас узнаем. Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

Первая реакция – усмешка. Что за детские вопросы? Он меня за дурачка считает? Распахиваю рот, но углы губ быстро опускаются. От спутанных мыслей нарастает головная боль. Имя, имя... И вдруг – озарение.

– Кит! – восклицаю я.

Врач хмурится. Его сомнения предаются и мне. Неужели меня зовут Кит?

– Сколько тебе лет?

В контуженной голове плавают самые разные числа.

– Двадцать? Двадцать пять? – гадаю я и не получаю ответа: – Больше?

– Ты поступил без документов. Кит, скорее всего, позыв-

ной. Хорошо, если твой. Попробуй вспомнить имена друзей.

У меня есть друзья – это точно. Наводчик и заряжающий – я вижу их около миномета, мы воюем вместе. Грохот выстрелов, я выкрикиваю команды и имена...

– Чех и Шмель! – радостно восклицаю я.

– Тоже позывные. Для начала неплохо. Чех – иностранец?

Я напрягаю память, морщусь. Голова болит сильнее. Зажмуриваюсь. Бой снова заменяет реальность. Миномет в огневой позиции. Цель определена. Я сверяюсь с таблицами стрельбы и отдаю команду. Чех слева у миномета, производит наводку, Шмель подносит мину справа.

– Огонь! – кричу я. – Десять снарядов! Заградительный огонь! Выстрел!

Я корректирую. Чех на прицеле, Шмель подгоняет снарядного и подносчиков, и только врач мешает нашей дружной работе.

Юрий Николаевич проверяет, как привязаны мои руки и зовет медсестру:

– Марина, сделай нашему контуженному укольчик. Он устал.

Укола я не чувствую, но голоса и лица вязнут в тумане. Я падаю в облако забытья.

Кто я? Как меня зовут? Сколько мне лет? Надо вспомнить, вспомнить, вспомнить... Камертон в голове убаюкивает и дает установку, я вижу себя в прошлом.

...Мы с Чехом вернулись из армии. Сходим с поезда. Вид лихой, как положено: береты с кокардой, дембельские аксельбанты, значки, шевроны, ремни с начищенной бляхой и радостные хари с запахом перегара.

Город у нас небольшой, от вокзала до родного двора можно дойти пешком. Топаем неспеша, даем себя разглядеть. Нам улыбается каждый встречный.

Знакомый двор в окружении пятиэтажек с клумбами из крашенных шин. Радостный визг, и на шею Чеха бросается девушка – красавица Злата. Я не завидую, потому что Злата сестра Чеха. Она сияет и излучает тепло, будто соответствует своей фамилии – Злата Солнцева.

Стоп! Выходит, Чех тоже Солнцев. Он наш, не иностранец! А Чех, а потому что Антон Павлович, как писатель Чехов! Антона в старших классах так и прозвали – Чехов. Со-кращенно – Чех. С Антоном-Чехом мы дружим с детства.

Ух! Вспомнил!

Злата младше Антона на год или два. В детстве она была светловолосой, а сейчас ее волосы скорее темные, а глаза прежние – бездонные и таинственные. В старших классах я

то и дело забегал к Антону просто так. Хотя кого я обманываю, конечно, чтобы видеть Злату. Взял в армию ее красивую фотокарточку и привирал, что это моя девушка. Антон посмеивался, не выдавал.

За время нашей службы Злата стала еще красивее. Она разглядывает брата и восторгается его бравым видом. А я люблюсь ею. Широкая улыбка, белые зубы, алые губы и грудь подросла – не могу оторвать взгляд. Злата замечает интерес к себе, прогибается, поправляет челку, и мне тоже достается ее улыбка. Но без объятий. Я все равно рад. Ее фигура, блеск глаз, движения рук – дух перехватывает. Увидел Злату после армии, и всё – пропал.

Сейчас девушка в драных джинсах с дырками на коленях и легком топе, который задирается при взмахах рук и обнажает живот. И вдруг – Злата в форме проводницы.

Кажется, это другое воспоминание...

Точно! Совсем другое.

...Злата исполнила свою мечту и устроилась работать проводницей дальнего следования. Она вернулась из первого рейса.

Ночь, свет фонарей раздвигает мрак, и в этом свете появляется Злата. Мы встречаем ее на вокзале, выражаем восторг и тащим в ночной клуб, чтобы отметить. Злата хочет переодеться, но я заклинаю: в этой форме ты супер секси! Она смеется уже по-взрослому, как женщина на смелый комплимент.

Кроме меня и Антона с нами третий – Денис Шмелев. Точно! Ну как без него. Он заводит нашу компанию. Мы выросли в одном дворе. Денис старше на год, и мы с Антоном в школьные годы охотно подчинялись ему. Но возраст не главное. Денис стремительный, задиристый и опасный, как Шмель. Это прозвище ему нравится. «Я не тот, кто жужжит, а тот, кто жалит»! – доказывал он в школе.

Мы веселимся в ночном клубе. С нами еще Маша Соболева. Ее Злата позвала, они подружки. Мы выпиваем и танцуем в грохоте музыки и вспышек света. Маша касается моего плеча и кричит что-то на ухо. Я отмахиваюсь, меня тянет к Злате. Но я не один такой, на нее пялятся даже девчонки, оценивая подогнанную по фигуре форму проводницы.

В клубе душно. Злата плюхается на диванчик, жалуется на плотные колготки, которые заставляют носить на работе. – Снимай! – предлагает Денис.

Злата смелая и озорная. Она стягивает колготки прямо в зале! Юбка вверх, руки под подол – и чудо ножки можно разглядеть в полной красе. Секундным сеансом обнажения любуюсь не только я.

К Злате подкатывает Макс Лупик, тот еще тип. Макс гонит, не соблюдая правил, на спортивном «шевроле» желто-кислотного цвета. Машина не новая после ремонта, но девчонки млеют, прокатиться с ветерком не отказываются. В нашем городе такой яркой тачки ни у кого больше нет. У Макса и челка под цвет «шевроле» светло-желтая – Макс

считает этот цвет золотым. А еще Макс владеет автомойкой самообслуживания. Короче, бабок у парня не хило, а гонора еще больше. Он, типа, крутой бизнесмен среди молодежи.

Макс выхватывает у Златы комочек колготок, выразительно нюхает их и обнимает девушку за талию. У него вип-стол в нише, он тянет Злату туда и хохмит:

– Я провожу тебя, проводница. Злату ждет золотая карета.

Встревоженный взгляд Златы ищет помощи. Первым реагирует брат Антон. Он толкает Макса, требует отпустить сестру, но получает кулаком в зубы и приземляется на пятую точку. На лице Антона шок, из разбитого рта с кровавой слюной вываливается выбитый зуб.

Рука Макса вновь на талии Златы уже под расстегнутым жакетом. Денис перегораживает Максу путь, но мнется. Он работает на автомойке Лупика и пытается уладить конфликт миром.

– Злата пришла с нами. Не надо, Макс.

– Как ты меня назвал? Я для тебя Максим Юрьевич или Хозяин! – быкует пьяный Лупик и показывает приложение в айфоне. – На автомойке химия закончилась. Иди долей, Хрюня. Дуй сейчас же, хрю-хрю!

Денис багровеет. В школьной жизни он был главным, а во взрослой выше те, у кого деньги и должности. Заносчивость богатеньких хамов он терпит, но из-за прозвища Хрюня, да еще и с обидным «хрю-хрю», Денис с детства бесится и теряет самоконтроль.

– Я Шмель! – шипит он, сжимая кулаки.

Первый удар он наносит в смартфон Макса. Дорогой аппарат разбивается о каменный пол. Начинается драка. Следуют взаимные удары. Лупик тоже не из слабаков, но разъяренный Денис валит обидчика на пол и бьет ногами. Испуганная Злата пытается разнять парней. Крики, визги, звон.

А где в это время я?

Я в стороне. Меня схватила за руку Маша и причитает:

– Никита, не лезь! Никита, не пушу!

Точно! Меня зовут Никита. Никита Данилин!..

Я вспомнил имя, но радости это не приносит. Мне стыдно сейчас, как и тогда. Я не заступился за девушку, не помог друзьям, остался в стороне. Тогда я нашел выход: отпихнул и прогнал Машу. Это же не я, а она виновата в том, что я струсил.

Я разлепляю глаза навстречу свету. Сияние яркое щеко-
чушее. Это солнце, уже утро! Наши пойдут на штурм, нужна
огневая поддержка.

– Расчет, к бою! – хрипит пересохшее горло.

Я пытаюсь вскочить. Меня что-то держит. Руки связа-
ны, плечи придавлены. Враг мешает, наваливается, но я вы-
рвусь! Отчаянный рывок – и жуткая боль гасит свет в глазах.

В груди сжигает плоть раскаленный метеорит, а снаружи
успокаивающий голос:

– Не кричи, ты в больнице в Луганске. Угомонись. Война
далеко.

Боль утихает, чернота перед взором рассеивается. Вижу
девушку – неясный манящий образ. Перехватывает дыхание
– Злата!

Мои глаза шире, ее лицо ближе. Волнующий образ рассе-
ивается. Передо мной медсестра Марина. Она придавливает
меня ладонями к кровати и ободряюще улыбается:

– Война подождет. Успокойся, боец. Вот так.

Златы нет, я разочарован реальностью. Пахнет спиртом.
Марина суется с бинтами и склянками, меняет повязки.

Движения ее рук быстрые, уверенные, а голос как лекар-
ство:

– Каждый день тебя перевязываю, Контуженый, а ты все

воюешь. Может, о чем другом поговорим?

– О чем? – не понимаю я.

– О мирной жизни. Невеста у тебя есть? Или уже женат?

Я хмурюсь и молчу. Жена – слово мохнатое, как гусеница. Невеста звучит приятнее. А имя Контуженный меня не смущает. Главное, что живой.

– Не помнишь, женат или нет? – усмехается медсестра. – Удобно.

Я вспоминаю слова врача: контузия второй степени. Это как, еще терпимо или очень плохо? Наверное, что-то среднее. Бывает хуже, бывает лучше. Но память отшибает конкретно, это точно.

Женат я или нет? – хороший вопрос.

В отбитой голове дерзкий образ Златы и чересчур заботливой Маши. Эти две девушки то и дело всплывают в мутном потоке памяти. Вот бы зацепиться за них и уплыть в чистое озеро прошлого.

– Я Никита Данилин, – сообщаю медсестре то, что вспомнил.

– С возвращением! – приветствует Марина. – А я гадала, твое не твое. Стирали форму и в кармане нашли.

Марина разворачивает жеванный лист стандартного формата и читает:

– Заявление о заключении брака. Он – Данилин Никита. Она – Солнцева Злата. Тебе двадцать четыре года, Контуженный. Ты из Дальска, Ростовской области. Вспоминаешь?

Я пытаюсь схватить лист, но руки прибинтованы к кровати.

Медсестра предупреждает:

– Я развяжу, но к миномету не беги. Договорились?

Вспышка обиды в глазах – меня держат за идиота! Марина объясняет:

– При травмах головы последствия непредсказуемые.

Я хмурюсь и обещаю:

– Не побегу.

Здоровой правой рукой держу бланк заявления, пожираю глазами таблицу с данными. Несколько казенных строк, а столько всего нахлынуло.

...Злата на два года младше меня. После армии я ухаживал за ней. Цветы, кино, кафе. Злата не всегда соглашалась на встречи, но совместные вечера у нас были. Злата позволяла брать себя за руку, обнимать за плечи, но увиливала от настоящих ласк. Даже поцелуи у нас были несерьезные, вскользь.

Однажды в ответ на мою особую настойчивость она отпихнула меня и заявила:

– Я не такая! Только после свадьбы.

Я принял вызов:

– Когда подаем заявление? – и по-мужски решил: – Встречаемся завтра в шесть в городском ЗАГСе.

Злата не пришла. Я взял бланк и заполнил заявление за двоих. Принес ей на подпись этот листок.

Злата рассмеялась:

– Торопыжка был голодный, проглотил утюг холодный.
Копи деньги, жених.

– Не маленький, понимаю, – пробурчал я.

Без денег никуда. Только как их накопишь? Отца у меня нет, мать пекарь на хлебокомбинате, а я работаю слесарем в железнодорожном депо. Вместе с Антоном, да и Денис до последнего времени там же работал. Наш Дальск – небольшой город, но крупный железнодорожный узел в Ростовской области. Полгорода связаны с железной дорогой.

Недавно мы в депо восстановили паровоз «Победа». Легендарная безотказная техника из старых фильмов: черный богатырь с красными колесами в белых ободах и алой звездой на переднем торце. Свежей краски для реставрации не пожалели, а топка, паровая турбина и прочие узлы у «Победы» вечные. Хоть сейчас в путь. Отныне красавец паровоз на вечной стоянке в тупике у Дальского вокзала.

А ключи от будки машиниста у только у нашей троицы. Дубликат, хранящийся в депо, мы подменили. Да и кому нужен старый паровоз, начальство отчиталось о памятнике железнодорожникам и забыло. Теперь воссозданная паровозная будка машиниста – наше тайное место для встреч. Бутылочку распить в непогоду – самое то!

Злата, как неуловимый призрак, за ней приходилось гоняться, а Маша Соболева всегда рядом. Она работает продавцом в магазине «Магнит» в нашем квартале. Зайдешь за

покупками, Маша тут как тут, что-то советует, в глаза заглядывает и ждет чего-то. Хотя ясно чего. Но по сравнению с красавицей Златой худенькая Маша плоская и не яркая. Поболтать с ней можно и в общей компании куда-нибудь сходить. Но чтобы встречаться и обниматься – нет. Машу я точно в ЗАГС не приглашал.

Другое дело Злата. Она часто отказывалась от встречи, ссылаясь на помощь родителям или занятия пилатесом.

– Только стройные и грациозные девочки нравятся сильным мальчикам, – уверяла Злата и шутливо щелкала меня по носу.

Я соглашался и давал ей деньги на непонятный, но такой полезный пилатес. И Злата исчезала.

Меня не смущало даже то, как радостно она реагировала на пошлые шуточки Дениса. И на танцполе в клубе она вертелась около него охотнее, чем со мной. Я этого не замечал. Влюбленный дурачок! Пока однажды не был растоптан и унижен циничной изменой.

Я слышу игривый смех Златы и мурлыкающий голос Дениса Шмелева. Ныряю в кусты. Вечер, сейчас Злата должна быть на занятиях пилатесом. Причем тут Денис?

Они проходят в обнимку, поглощенные друг другом, и не замечают меня. Я огорчен и решаюсь на слежку. Они идут к вокзалу, сворачивают к железнодорожным путям и поднимаются в будку старого паровоза. Денис запирает дверь. Освещения внутри нет, но чем занимается парочка, мне хорошо

видно.

Злата, прижатая к окну, дергается вверх-вниз с закрытыми глазами. Ее растопыренная ладонь упирается в стекло, из приоткрытых губ вырывается неслышный стон. А сзади наяривает Денис. Его глаза нараспашку. Он замечает меня и подмигивает. Наглая самоуверенность при любых обстоятельствах в его характере.

Меня накрывает жуткая обида. Так вот ты какая!

Не могу смотреть на бесстыжую страсть и убегаю. Напиваюсь с горя в привокзальном буфете. Сколько выпил, не замечая. Бреду домой, в голове пустота, в сердце нож, а ноги сами собой сворачивают в «Магнит» за добавкой.

Там Маша на кассе. Таращит глаза, принимает и водку мне не пробивает. Я возмущен, скандалю. Она в ответ десять ругательств. Потом цепляется в меня и тащит к себе домой.

Ах, так! Славный поворот!

Мы в комнате с диваном. Внутренняя обида обманутого парня перерождается в мстительную похоть. Я срываю с Маши красный жилет продавщицы, валяю девушку на диван и протискиваю ладонь под ее джинсы.

Она колотит ладошками и вырывается из-под меня:

– Я так не хочу!

– Что, тоже после свадьбы? Как эта? – Я нервно смеюсь и швыряю бумажку с заявлением в ЗАГС.

Маша разворачивает и читает. Шумно сопит, перечиты-

вает. Ее пальцы разжимаются, бумага падает, как осенний лист. Она выбегает, растирая слезы.

А мне по барабану, тоже мне недотрога!

– Вы все шлюхи! – Я брызжу слюной и проваливаюсь в пьяный сон.

Среди ночи пью воду из-под крана и ухожу не прощаясь.

Ноги приводят меня к квартире Дениса. Бью по звонку и стучу кулаком в дверь. Он открывает, я с широким замахом несу кулак в его сонную рожу и промахиваюсь. Денис подныривает, опрокидывает меня борцовским приемом и припечатывает к полу.

– Нажрался, Кит, и без меня. Не по-дружески это.

– По-дружески! Какого ты и Злата... Какого ты с ней!

– Но-но! Угомонись! Я тебе доказал, что настоящая дружба только между парнями. Ты и я – сила, а девки наша слабость. Усек?

Я вспоминаю его слова на следующий день и подкарауливаю Злату. Злость улеглась, но покалывает от обиды. Выбрала Дениса, так признайся! Не пудри мне мозги!

Я останавливаю ее и спрашиваю каменным голосом:

– Привет! Как вчерашний пилатес? Сильно утомилась?

– Еще бы. Приятное с полезным не легко.

– Я бы тоже пилатесом позанимался. С тобой.

– Там только девочки, – смеется Злата и исчезает, помахав ладошкой.

Она мне врет. Прямо в глаза! Ложь давит больше, чем

вчерашня сцена...

Страхиваю обидное воспоминания. Моя башка гудит, но не так, как с похмелья. Качаю головой и сжимаю кулак: зачем врать! От вранья в душе боль, а в голове скачок давления.

– Эй, ты чего? – медсестра опускает мою руку с листком, чтобы видеть лицо. – У тебя кровь из носа.

– Она соврала.

– Кто?

– Невеста.

– Понятно, значит ты не женился.

Соседи по палате подключаются к разговору:

– Контуженый, ты сначала мозги почини, прежде чем жехаться.

– Без мозгов с девками лучше. Чем меньше думаешь, тем дольше шпилишь!

– Шпилишь это как? – не понимаю я.

В ответ дружное ржание.

Я промокаю нос марлей, гляжу на кровь, перевожу недоуменный взгляд на Марину, смущенно оправдываюсь:

– Раньше такого не было.

– После контузии всякое бывает, – сочувствует медсестра. – Тебе в Ростов-на-Дону надо. Там голову посмотрят и операцию на ключице сделают. А наше дело неотложная помощь. Кровь из легких у тебя вышла. Нижний сифон я отсоединила. А воздух еще будет выходить, пока легкое распрямляется.

Медсестра заканчивает перевязку, сдергивает с меня простынь и подсовывает утку.

– Помочись. Сам справишься?

Я пытаюсь прикрыть наготу:

– Не, я в туалет.

– Ишь, какой стеснительный. А кто все это время тебе помогал?

– Кто?

Опять ржание соседей и смешливый совет:

– Контуженый, вставляй креветку в раковину, а то простынь забрызгаешь.

Слова обидные, но честные. Я опираюсь правой рукой о кровать, пытаюсь сесть. Если подниматься медленно, заградительная боль в ребрах парализует тело. Решаюсь на рывок. Раз! Острая боль как удар кинжалом под ребра, почти до потери сознания. Но я сижу. Свешиваю ноги, переживаю помутнение в глазах, прихожу в себя.

И снова сомнения:

– А ноги у меня ходят?

– Порезы зашили, кости целы. Ты так пойдешь или трусы надеть?

Соседи не упускают случая посмеяться:

– Не прячь боеголовку. Сразу на передовую! То-то враги разбегутся.

А мне не до смеха, физически не могу ржать. Любая встряска грудной клетки отдается жуткой болью сломанных

ребер. Даже самый непреодолимый позыв чихнуть блокируется организмом.

Марина надевает мне трусы до бедер. Я укрепляю пятки на полу. Встаю, держа корпус ровным. Нужно привыкать к боли. Подтягиваю трусы правой рукой, левой держу бутылку с трубочкой из поврежденных легких. Собираюсь с духом и ковыляю к двери.

– Туалет направо. Сифон не разбей! – напутствует Марина.

– Там поручень есть, – ободряет сосед с костылями у кровати. На этот раз без усмешки.

Документ из ЗАГСа действует на память лучше любого лекарства. Эх, Злата! Я был готов вместе с тобой и в горе, и в радости, а ты... Ты сделала больно и не заметила.

Сжимаю веки, трясую головой – проехали! Что было, то было. Девчонки ветрены и не надежны. Другое дело верные друзья. С ними не только покутить, но и в огонь, и в воду. Буквально!

Так и произошло. Наша мирная жизнь в Дальске закончилась в одночасье.

...После драки в ночном клубе мы сбежали к вокзалу и укрылись в тайном логове – паровозе «Победа». Паровоз стоит в тупике, как памятник. А для нас в будке машиниста всё родное, своими руками восстанавливали и красили. Внутри нас четверо: Злата, ее спаситель Денис, смельчак Антон, первым давший отпор наглецу Лупику, и я, оставшийся в стороне.

Разгоряченная бегом Злата расстегивает блузку на груди и плюхается на место машиниста. В форме проводницы в паровозной будке она смотрится органично. А я вспоминаю, как она взволнованно дышала здесь же, прильнув к окну во время секса с Денисом. Сколько раз у них было?

Радость победы на лице Дениса проходит. Он озабочен. Подсвечивает телефоном. Просит Злату встать. Откидывает

мягкое сиденье и открывает железный ящик под ним. Это наш тайник. В нем припрятана бутылка водки.

Денис протягивает бутылку Антону:

– Прополощи рот, у тебя зуб выбит.

– А у тебя бровь разбита, Денис. Я протру. – Это уже Злата заботится о Шмелеве.

Пахнет водкой. Парни глотают выпивку, морщатся, им не стыдно, они поступили, как настоящие мужики. А я... Жмусь к паровому котлу и проклиная Машу: какого черта она меня сдержала!

– Спасибо, мальчики, – благодарит Злата легкими касаниями рук. Особый взгляд и отдельная похвала Денису: – Лупик кабан, но ты его уложил.

Меня гложет мысль: будь они сейчас вдвоем, какими ласками благодарила бы Злата?

Денису не до нежностей. Он обращается ко мне:

– Кит, ты со стороны видел. Сильно Лупику досталось?

– Отделал классно! – хвалю я. – И айфон его в хлам!

– Перестарался при куче свидетелей. – Денис делает большой глоток водки. В голосе злость: – Лупик еще та сволочь. Подаст заявление в ментовку – и мне конец. Прощай условка.

У Дениса Шмелева бешенный темперамент, год назад он уже попался на драке. Был суд. Шмеля осудили на условный срок и назначили пятьсот тысяч рублей штрафа в качестве компенсации потерпевшему. Деньги вычитали из зарплаты,

и Денис уволился из вагоноремонтного депо. Устроился к Максиму Лупику на автомойку. Там платят налом, вычитать нечего.

– Чертов Лупик! Хозяином его величать. Ага, как же!

Денис пьет и передает бутылку Антону. Тот оправдывает друга:

– Не фиг обзывать. И к Злате он полез в наглую!

Злата поддерживает:

– Денис, ты спас меня от дебилоида.

– Кто меня теперь спасет?

Пауза. Я выдавливаю слова неуверенным голосом:

– Может, обойдется?

– Для вас – да! – режет правду Денис. – А меня утром загребут – и реальный срок!

– Что же делать? – раскидает Антон.

– В Донбасс надо валить.

В будке тишина. Специальная военная операция на Украине уже больше месяца как главная новость не только в стране, но и в мире. Мы в приграничной области видим, какие составы идут по железной дороге, и не понаслышке знаем – рядом идет настоящая война.

Я понимаю, о чем задумался Денис, и уточняю:

– В военкомат, контрактником?

– В армию с судимостью меня не возьмут, а в «музыканты» – пожалуйста.

– Музыкантом? – округляет глаза Антон.

– ЧВК «Вагнер». Слышали?

Еще бы. В городе на днях появились «Группы Вагнер» с бравыми бойцами, на которых хочется быть похожим.

Денис достает из заднего кармана сложенную листовку и показывает нам.

Теперь я обращаю внимание не только на крупный лозунг: «ЗА РОДИНУ, ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ!», но и на мелкий шрифт с телефонным номером внизу. «Оркестру Wagner нужны «музыканты», чтобы освободить Донбасс. Впиши свое имя в историю боевой славы».

Шмель дает всем подумать и спрашивает:

– Я по-любому еду. Вы со мной?

Я опускаю глаза. Хорошо, что в паровозной будке темно. Антон тоже мнется.

Злата со злобной решимостью глотает водку, пихает меня и Антона в грудь:

– Зассали, мальчики? А кто в день артиллерии в военной форме красуется?

Денис воодушевлен поддержкой и подхватывает:

– Я не служил срочную, а готов рискнуть! Но меня в пехоту направят. А вы минометчики! Я звонил, минометчики им нужны. Скажете, и меня к вам возьмут, вместе служить будем.

– Что еще узнал? – интересуется Антон.

– Про зарплату и как добраться. Остальное на месте.

– И сколько?

– Вы в депо горбатитесь за копейки, а в ЧВК реальные деньги. Двести сорок тысяч плюс премии за боевые заслуги! Прикинь? И это налом без налогов. – Денис похлопывает Антона по плечу. – Минометчиками безопасно. Лупи изда-лека – и все дела!

Я не согласен, что в настоящем бою есть безопасное место. Но возразить, значит снова проявить трусость.

Денис переходит на угрожающий шепот:

– Не смоюсь из города, меня загребут менты. Начнут допрашивать, наше дельце с металлом может всплыть.

Этот аргумент – не в бровь, а в глаз. Мы с Антоном по инициативе Дениса вывезли из депо пару тонн металлолома, он сдал в скупку. Начальство спохватилось. Нас расспрашивали. Кража, как никак. Да и не всё вывезенное оказалось ненужным хламом.

– Хотите условку и штраф, как я? – давит Денис.

– Я готов с тобой, – первым соглашается Антон.

– Мужик! – хвалит Денис.

Все смотрят на меня, ждут. Перед друзьями стыдно.

– Когда? – выдыхаю я.

– Нам до утра свалить надо. Домой за вещами и через час здесь. В шесть поезд на Краснодар, там автобусом.

Мы киваем. Решение принято.

Денис пускает по кругу остатки водки и наставляет:

– Только мамкам не гу-гу! А то вцепятся и не пустят.

Денис без матери с отцом живет, и для меня это не про-

блема:

– Моя мать в ночной. После шести домой придет.

– А я родителей отвлеку, если что, – обещает брату Злата.

Серьезное решение нас сближает. Злата не собирается спать и обещает проводить всех на вокзале. Денис забирает у Антона ключ от паровозной рубки и передает Злате.

– Не потеряй.

Она в недоумении:

– Зачем?

Он показывает, как закрыть ящик-тайник под сиденьем:

– Это наше будущее.

– Ты о чем?

Денис пожимает плечами:

– Там будет видно.

Невыспавшийся, с разладом в душе я выхожу из автобуса. Излом жизни, как глубокий порез – и хочешь забыть, да боль не дает, а шрам потом напоминать будет.

Кубанский хутор встречает нас морозящим весенним дождиком. Я растираю капли по лицу, чтобы избавиться от дорожной дремы и душевных сомнений. За спиной привычная жизнь и рюкзак с наспех собранной одеждой – впереди опасная неизвестность.

Денис целеустремлен и энергичен, но это внешняя бравада. Он жадно закуривает, озирается и догоняет женщину, сошедшую вместе с нами:

– Вы местная? Где тут пионерский лагерь?

Пожилая тетка в платке опирается на сумку на колесиках и вглядывается в каждого из нас:

– Так и думала, шо к музыкантам. – Она тяжело вздыхает и указывает направление: – Вниз по улице, через ручей. Там ворота в лесопосадке увидите, с горнистом.

Мы с Антоном топаем вслед за Денисом. Он первым подходит к железным воротам. На дуге сверху поржавевший профиль горниста с пионерским галстуком, а на решетчатых опорах слева и справа жестяные буквы «Будь готов» и «Всегда готов». Позабытый девиз наших отцов миновал нас в детстве, но возвращается, как бессмертный дух, в зрелом

возрасте.

У калитки бывшего пионерлагеря дежурит парень в камуфляжной форме.

Денис созванивался с ЧВК и говорит условную фразу:

– Мы от Моргана.

Дежурный связывается по рации:

– Принимай пополнение, Чапай!

В ближайшей бытовке нас встречает крепкий усатый мужчина лет пятидесяти. Сразу чувствуется старый вояка. Он за столом в полевой форме. Взгляд оценивающий, рукава закатаны, волосатые руки сжаты в кулаки.

– Вы за деньгами, хлопчики, или пострелять захотелось?

Это первые его слова вместо приветствия. Чапай выходит из-за стола, и мы видим, что вместо левой ноги ниже колена у него протез.

Говорит он угрожающе:

– Наш «оркестр» всегда выступает в первом эшелоне. На встречу лупят из всех калибров, а стежка минами устелена. Кому ногу оторвет, кому сразу башку.

После второй фразы с наглядным примером каждый задумывается. Чапай пытливо смотрит на нас и выкладывает на стол пятитысячные купюры веером.

– Компенсирую вам дорогу в оба конца. И гульнуть останется. Забирайте и проваливайте!

Третью фразу он сказал, как плюнул. И ждет: утремся и исчезнем? Ну уж нет! Здесь не драка, а струсить нельзя. Я

исчерпал лимит малодушия еще в ночном клубе.

– Мы за Родину, – злюсь я.

– Какую родину?

– За нашу, за Россию! Ты кто такой, чтобы нас останавливать?

Денис поддерживает:

– Да, дядя, мы служить, а ты обратку включаешь. Зови старшего!

Усы Чапая приветливо растягиваются:

– Добре, патриоты. Только я не дядя, а Чапай. И вам позывные понадобятся, если возьмем.

Чапай садится за стол, убирает деньги.

– Начнем сначала. Представьтесь. Кто кем служил. И предъявите документы.

Я и Антон протягиваем военные билеты и паспорта, Денис только паспорт.

Мне есть, что сказать:

– Никита Данилин, старший сержант запаса. Срочную служил командиром минометного расчета. Участвовал в учениях.

– Антон Солнцев, – подхватывает Антон. – Служил вместе с Данилиным. Наводчик миномета, рядовой.

Чапай раскрывает военные билеты и одобрительно кивает:

– Минометчики нам потребны. Командир расчета и наводчик имеются. А ты, Шмелев, кем будешь?

– Шмелева назначим заряжающим, – рапортую я.

– Раскомандовался, сержант. Учти, Данилин, тут у нас без знаков различия и без погон.

Денис спешит заверить:

– Я справлюсь. Мы вместе хотим служить.

– Для начала пройдете медкомиссию. Сдадите кровь на ВИЧ, туберкулез, гепатит и наркотики. Служба безопасности пробьет ваши данные, а уже потом поговорим предметно. Если за душой косяки, выкладывайте сразу.

– У меня условный срок, – признается Денис.

– За что? Наркотики, сексуальная неприкосновенность, бандитизм – от ворот поворот!

– За хулиганку. С парнем подрался.

– Проверим. Если так, то добро пожаловать в «оркестр». Война – это большая серьезная драка, хлопцы. И бить лучше первым.

Чапай разглаживает усы и наставляет:

– А теперь главное. У нас свои заповеди и свои смертные грехи. Первый грех – предательство. За это расстрел. Дезертирство – то же предательство с тем же финалом.

Говорит он без пафоса и надрыва, однако взгляд и интонация такая, что сразу веришь, и уточнять, что да как, не хочется.

– Второй грех – алкоголь и наркотики на линии боевого соприкосновения. А вы будете там всегда. Третий грех – мародерство. Из чужого брать только трофеи врага. Четвертый

грех – сексуальные контакты. Вы воины-освободители, а не насильники. Зарубите себе на яйцах! Нянчиться не будем!

Мы киваем. Я окончательно убеждаюсь, что старые ворота с пионерским лозунгом настоящая граница между прошлой и будущей жизнью.

После необходимых процедур ночь мы проводим в армейской палатке на панцирных кроватях с такими же новобранцами в солдаты удачи. Утром все трое снова у Чапая.

В его руках наши документы, в глазах доброжелательность.

– Поздравляю. Фильтрацию прошли, приняты на обучение минометчиков. Позывные придумали?

Над позывными нам не пришлось ломать голову. На правах будущего командира я представляю боевой расчет:

– Солнцев – Чех, Шмелев – Шмель, а я – Кит.

Кличкой меня наградил Денис, как самого спокойного и толстокожего из нашей троицы. Я согласился, со стороны виднее.

– Добре, – кивает Чапай. – Обращайтесь теперь так не только по рации, а всегда. Пока не вернетесь на гражданку.

– Так точно, Чапай!

– А сейчас дружно достаем телефоны и удаляем себя из соцсетей.

– Каких? – уточняет Денис.

– Всех абсолютно! Даже старые аккаунты, которыми годами не пользуетесь, удалить! Это условие нашей компании.

– Зачем?

– Чтобы враг ничего не узнал даже после вашей смерти.

– И все фотки? – расстраивается Антон.

– Выполнять, Чех!

Чапай проверяет наши телефоны и выкладывает на стол бумаги.

– Заполняйте контракты. Первый контракт на шесть месяцев. Две недели обучения и на передовую. Вопросы есть?

– А после шести месяцев что? – спрашивает Шмель.

– Сами поймете: или с нами или домой. В ЧВК остаются адреналиновые наркоманы. Попробовал – понравилось. Это как вирус, а антивируса нет.

– Шесть месяцев достаточно. Через полгода война закончится, – убежден я.

Усы на лице Чапая широко растягиваются:

– Я вам открою маленькую тайну – войны всегда есть и всегда будут. Работа у вас будет вечно. А главное, где бы «музыканты» ни работали, хоть в Африке, хоть в Америке – мы защищаем Родину!

– Я загранпаспорт не заказываю. Жду, когда везде будет Россия, – усмехается Шмель.

– Настрой одобряю. Глупой опасности и в мирной жизни хватает. Поскользнулся в ванной и кранты. Или на нож в пьяной драке нарвался. У нас хотя бы страховка имеется. Пять миллионов за гибель, три за ранение.

– А если плен?

Чапай сводит брови, качает головой:

– У нас такая организация, что в плен брать не будут. Бейтесь до последнего. А на крайний случай у каждого будет в запасе граната. Она так и называется – последняя граната. Вам расскажут, что делать.

– Инструкция на пять миллионов, – пытается шутить Денис.

Шутка звучит плохо. У нас кислые лица.

Чех мнетя и выражает общую мысль:

– После смерти, хоть рубль, хоть миллионы – уже по барабану.

– Смотря кому достанутся, – возражает Чапай. – Мы платим только наличными без всяких карточек и банков. На ваш выбор – после контракта всю сумму сразу или ежемесячно по доверенности за вас будут получать деньги родственники.

– В Дальске можно? – спрашивает Денис.

– Где угодно. Приедут и выдадут указанному тобой человеку.

– Мы решили, – объявляет Шмель. – Наши деньги будет получать сестра Чеха – Злата Солнцева.

– А родители?

– Мой отец все пропьет, а в Злате мы уверены. Все трое.

– Ваше право. Пишите доверенности на ее имя.

Денис полночи нас увещевал, что копить вместе – лучший вариант. Втроем у нас накопится крупная сумма. Мы будем выполнять боевые задания и получать премии. Вернемся до-

мой, купим автомойку самообслуживании, вытесним Макса Лупика из города и заживем – доходов всем хватит. Как работает автомойка он знает. Это наш шанс круто изменить жизнь. Будем гонять не на крашеной «шевроле» прошлого века, а на новом черном БМВ.

План мне понравился, Антону тоже. Втроем и заработать быстрее, и руководить потом прибыльным бизнесом легче.

Паспортные данные Златы я переписываю из заявления в ЗАГС. Хотя для чего-то документ пригодился.

Шмель замечает бланк и посмеивается:

– Сохрани. Разбогатеешь, и Злата заявление подпишет. Гульнем на вашей свадьбе.

Я вспоминаю Злату в объятиях Дениса и качаю головой:

– Этого не будет.

– Значит, будет что-то другое. Главное, чтобы было!

Чапай забирает контракты и вручает нам жетоны сотрудников ЧВК «Вагнер».

– Носите на шее. Там ваш персональный номер, чтобы в случае чего... – Он недоговаривает, меняется в лице и потически добавляет: – Запомните, хлопцы, смелость города берет. Не позорьте ваших дедов-победителей.

Мы идем на склад за военной формой. Перед бытовкой Чапая ждут настороженные новички и с уважением смотрят на нас. Они только прибыли, а мы здесь уже сутки и успели постричься «под спецназ».

Денис звонит Злате и сообщает, что она будет получать

наши деньги, копить на общий бизнес.

– Дома не держи. Храни в тайнике в паровозе под сиденьем, где я показывал. Так надежнее. И никому не слова! О тайнике знаем только мы четверо. Ты будешь в доле.

Злата беспокоится:

– Денис, к тебе полиция приходила. Макс Лупик заявление написал.

– Забей! Вернусь героем – кто меня тронет.

До возможного геройства совсем недолго. Две недели боевой и тактической подготовки в учебном лагере – и нашу группу переправляют в Луганск. Еще сутки – и я командую минометным расчетом на передовой.

На моем плече круглый шеврон с оскаленным черепом и надписью «Группа Вагнера» на русском и английском языках. С таким знаком отличия в плен точно не возьмут.

Я Кит – командир расчета. В подчинении пятеро бойцов. Чех – наводчик, Шмель – заряжающий. И еще трое: снарядный и двое подносчиков – основательные мужики с позывными Урал, Механик и Днестр. Обеспечение у нас приличное: берцы, броники, полимерные шлемы. Даже наколенники выдали, выглядят классно, но к ним привыкнуть надо.

Из личного вооружения у каждого автомат и гранаты. Из общего – пара ручных гранатометов и наше главное оружие, 120-миллиметровый миномет на съемном колесном ходу. УАЗ «буханка», раскрашенный баллончиком «под войну», буксирует его по любому бездорожью. А первое оружие бойца – это лопата. Вечная задача – окопаться, укрыться, замаскироваться.

Для нас с Чехом миномет, как родной, освоили на срочной в армии. Поразить цель – наша ответственность. Шмель ловко опускает мины в ствол. Он и по жизни ловкач и пронира. В бою подчиняется командам, а в остальное время шустрит, отлучается, обыскивает развалины, приносит нужное и ненужное.

Механик рукастый мужик – починить технику и наладить

быт он мастак. Урал мощный парень, без него с опорной плитой миномета мы бы не сдюжили. Днестр нам в отцы годится. Он хозяйственный, умеет из сухпайков приготовить стол «как мамка дома». Он из Приднестровья, мечтает дойти до родного края, чтобы Россия была под его домом, а не только в виде штампа в паспорте.

Каждое утро Днестр трижды крестится, шепчет молитву и целует нагрудный крестик. Перед боем торопливо крестятся и Механик с Уралом. У меня с друзьями крестиков нет и в церкви я их не замечал, но под обстрелом волей-неволей хочется верить во всевышнего защитника. Правильно говорят: в окопах атеистов нет.

Впечатлительный Чех интересуется первым:

– Днестр, о чем молиться надо?

– Да хоть «Отче наш» повторяй, помогает. Или молитву Архангелу Михаилу от злых сил.

– Это как?

Днестр осыпает себя крестным знамением и бубнит:

– Отче наш, иже еси на небесах...

Он замечает недоумение и говорит:

– Можно и своими словами. Благодарю всевышнего и проси о главном. Молитву от души Бог услышит.

– И поможет?

– Ты верь. Без веры никак. Щенок от страха жметя к собаке, малыш за мамкину юбку прячется, а мы – дети божьи. На отца всевышнего уповаем, у него просим защиты.

Шмель хмыкает:

– И в наших окопах молятся и в тех, а все равно гибнут.

– Со светлой душой уходить или с темной тебе решать, – спокойно соглашается Днестр.

Не знаю, как Шмель, а я для себя решил. Проснувшись живым, трижды крещусь и мысленно взываю к Богу: «Благодарю за то, что есть. Пусть всё будет хорошо. Спаси и сохрани». И верю, что мою мольбу услышат.

В первом бою мандраж у всех. Приказ – накрыть опорный пункт противника. Наш миномет бьет до семи километров, но «музыканты Вагнера» всегда на передке. Позиции противника можно увидеть в бинокль, правда, командир с биноклем – это прошлый век. Бинокль заменили беспилотники. Нам тоже обещали в расчет оператора с квадрокоптером, а пока глазастой «птички» нет приходится выкручиваться.

У миномета своя оптика. Наводим прицел по внешним маркерам с учетом температуры воздуха, давления, силы и направления ветра. После первых выстрелов опорная плита миномета оседает, нужна корректировка. Мы оглохли и друг друга понимаем жестами, взглядом. Стреляем, как умеем, а с той стороны тоже артиллеристы не промах.

Ну вот, накаркал! Разрыв, воронка, и осколок от вражеского снаряда свистит над плечом.

Под ответным огнем Чех паникует. Дрожащими пальцами сбивает прицел, а потом вообще бросается в окоп и сжимается, обхватив голову. Пока я от страха ору на него, бойцы

лихорадочно действуют. Урал свинчивает предохранительные колпачки с головного взрывателя, передает мины Шмелю, а тот делает выстрел за выстрелом. Без ума. Мины идут не по цели, а по направлению.

Ответка противника взрывает землю все ближе. Они корректируют точно. Я слышу прилет и кричу:

– В окоп!

Бойцы бросаются в укрытие, а оглохший Шмель торчит у миномета. Я прыгаю, сбиваю его с ног. Мы перекатываемся, вжимаемся в землю.

Взрыв!

Нас присыпает комьями земли. Мы смотрим друг на друга обезумевшими глазами. Шевелю ногой, рукой, откидываюсь на спину.

– Пронесло, – шепчут мои губы.

Шмель приподнимает голову, видит разбитый миномет и воронку на месте заряжающего. Его благодарность похожа на стон:

– Век не забуду, Кит.

Мы прячемся в окопе, сжимаем автоматы, шепчем молитвы и чувствуем свою беспомощность. Спасают артиллеристы из второго эшелона, продавливают встречный огонь мощной гаубицей.

После атаки возвращаются наши «вагнеровцы» с чумазыми лицами. Я узнаю командира штурмового отряда с позывным Вепрь.

– Мазилы хреновы! – ругается он. – Из-за вас опорник не взяли, понял?

Я прячу взгляд от стыда. У Вепря помимо стандартного знака «Группы Вагнера» на шлеме шеврон: «Герой по вызову. Второй подвиг бесплатно». И третий и сто пятый. Вепрь боец от Бога, тот самый адреналиновый наркоман, про которых Чапай говорил.

Вепрь крутой, но быстро отходит. Замечает бледного Че-ха, демонстрирует белозубую улыбку и подбадривает:

– Штаны береги, очко не бабушка вязала. Понял?

Вепрь ржет. Мы следом. Становится легче. У меня срабатывает рация.

Орет командир батареи с позывным Тарантино:

– Первый расчет сменить позицию! Замаскировать миномет! Кит, какого хрена медлишь?

– Поздно, – отвечаю я. – Нашего миномета нет.

– Доложить о потерях.

– Личный состав без потерь.

Тарантино смягчает тон:

– С боевым крещением, Кит. Следующий раз жду доклада о потерях противника.

Мы быстро привыкаем к опасности. Уже во втором бою всплеск адреналина забивает мистический страх, расчет действует слаженно. Бьем по квадрату и бегом на новую позицию с тяжеленным минометом в налипших от чернозема ботинках – пока ответка не прилетела. Оттуда насыпаем новые

мины – и снова-здорово.

Правда Вепрь недоволен. Рубеж он взял, но в группе штурма двое раненых, по-нашему «трехсотых».

– Кит, вы не минометчики, а ландшафтные дизайнеры! Не научитесь точно в окопы накидывать, на штурм вперед моих пойдете. Понял?

Его вечное «понял» сначала бесило, потом стало родным, будто слышал его с детства.

– Вепрь, нам бы квадрик для корректировки.

– Вы же криворукие.

– И оператора в придачу. Без «птички» в окоп не кидаем.

Вепрь задумывается:

– У луганских коптеры видел. Спрошу, понял?

Мы воюем в составе союзных сил. Если «группа Вагнера» – это наконечник стрелы, то лук и стрелы – бригады Российской армии и батальоны теробороны ЛНР. В армейских бригадах большие и мощные беспилотники ими управляют специально подготовленные бойцы. Для штурмового взвода и минометного расчета достаточно китайского бытового дрона небольшого радиуса действия. Даже такие дроны в умелых руках обеспечивает гаубицам и танкам снайперскую точность.

Вепрь выполняет обещание. В наш расчет луганский батальон отправляет оператора беспилотника с китайским квадрокоптером. Парня зовут Руслан, к нему сразу приклеивает-

ся позывной Русик. Квадрокоптер у Русика собственный, из дома прихватил. Там был игрушкой, а здесь – боевая единица.

Я обучаю его командам, и Русик корректирует огонь. Первые мины пристрелочные.

Слышу голос Русика в рации:

– По первому разрыву меньше шестьдесят, левее ноль десять.

Оператор дрона находится отдельно от расчета и меняет свое местоположение. Как только он включает радиосвязь с дроном, становится видимым системам радиоэлектронной борьбы противника. По нему могут нанести прицельный удар.

– По второму дальше двадцать, левее ноль-ноль две.

– Корректуру принял, – отвечаю я.

Чех быстро наводит. Урал подбегает с миной.

– Выстрел! – кричит Шмель.

Мы зажимаем уши и открываем рты. Горячий хлопок и удаляющийся свист. Томительные секунды ожидания, и радостный вопль Русика в рацию:

– Ой, молодцы! Точно! Четверых положили!

Днестр крестится, а остальные прыгают от радости, как дети, забившие гол в решающей игре. Убийство противника сродни постыдному удовольствию, которое хранишь в себе.

Даже Вепрь одобрительно бурчит в рацию:

– Есть порох в пороховницах и ягоды в ягодицах.

У его штурмов теперь больше шансов на успешную атаку. Эффектные попадания Русик записывает на видео. Про-смотр заряжает всех оптимизмом – Победа будет за нами.

Радость после удачного боя лишь малая часть войны. По большей части война – это пот и грязь.

Наш миномет с опорной плитой весит двести восемьдесят кило, плюс боекомплект. Дружно навалившись, мы вытаскиваем «буханку» из черноземной грязи.

Чех вытирает пот и оценивает колею:

– Сюда бы Лупика на золотом «шевроле».

Шмель передразнивает гонор Макса:

– Четыреста лошадок, шесть секунд до сотни, полный улет!

Мы ржем. На фронте совсем другие ценности. Не красивый автомобиль или показная роскошь, не модные гаджеты или теплые моря, а то, что ты сыт, не замерз и живой.

Шмель хлопает Чеха по плечу:

– Помнишь, как заскочили на автомойку. Не только морду, но и оборудование Лупику помяли.

– От души! – подтверждает Чех.

В глупой выходке ничего смешного, но оба улыбаются. Война делит мир на своих и врагов. Врагов не жалко.

– После драки в клубе? – уточняю я. – Перед отъездом в ЧВК?

– Успели, – подтверждает Шмель.

На душе скребет пьяная кошка. Постыдное воспоминание

вдруг возрождается из глубин черной памяти.

Дальский вокзал, железнодорожный тупик, паровоз-памятник «Победа». Долгая ночь после драки в ночном клубе продолжается.

Я в паровозной будке с рюкзаком с наспех собранными вещами. Заходит Злата. Она обещала нас проводить в учебный центр ЧВК «Вагнер». Пришла одна. Взволнованная, притихшая, в той же соблазнительной форме проводницы.

Я смотрю ей за спину:

– А где Антон?

– Тоху Денис куда-то увел. Ненадолго.

Ночь. Мы вдвоем очень близко друг к другу. Я слышу ее дыхание и спешу спросить о самом важном:

– Злата, ты будешь ждать меня?

– Я всех буду ждать.

– Меня, как всех?

Злата делает жест, словно вопрос риторический. Она подходит к окну, прижимается лбом и вглядывается в темноту. Мое сердце сжимается от ревности – здесь, в такой же позе она отдавалась Денису. А потом соврала мне, будто ничего и не было.

Жгучая обида требует выхода.

– Я видел тебя здесь с Денисом.

Злата оборачивается. Ее лицо тонет в темноте, но заметно,

как глаза блеснули, расширились и прищурились.

– И что? Я клятву верности не давала.

– Почему он? Ведь мы встречались, и я тебе...

Напоминать о заявлении в ЗАГС, которое всегда со мной, стыдно. Наивная влюбленность оглушает.

Злата не собирается сглаживать ситуацию и не увिलивает. Прощание требует откровенности. В ее словах проскальзывает усмешка:

– Почему он... Денис не просит, а берет.

Злата коротко и точно характеризует Шмеля. Он так во всем. Оказывается, и в любви прет напролом. Или в том, что под ней понимает.

Ее слова плескают бензин под закипающий котел моей обиды. И внутренний пар срывает преграды. Жадными руками я хватаю Злату, дергаю на себя и впиваюсь губами в ее губы.

Она выворачивает шею:

– Отпусти!

Что ж, можно и без поцелуев. Злата в форме проводницы меня тоже заводит. Я рывком задираю ее юбку и валю на пол. Помню мысль: хорошо, что она сняла колготки. И бешеное желание пробиться в теплую плоть, где уже побывал Денис. Я тоже возьму без спроса.

Злата отбивается:

– Нет! Отвали! Сейчас придут!

Я разрываю ее трусики, раздвигаю ноги и наваливаюсь

всем телом. Ее мольба меня лишь подзадоривает, обнаженная плоть возбуждает. Так, так, так! Злата моя, я достиг тайной мечты. Пусть придут! Пусть увидят! Я беру, а не прошу! Еще, еще, еще!

В какой-то момент Злата перестает отбиваться. Она плачет.

А меня накрывает волна кайфа. Я рычу слова любви:
– Люблю тебя. Люблю! – и чувствую губами ее слезы.

Я затихаю, а Злата вздрагивает от рыданий. Сладкое опустошение оборачивается горечью в душе: что я наделал! Я поднимаюсь, застегиваю джинсы и плюхаюсь на сиденье машиниста. Хочется сжаться до невидимого состояния.

Снаружи слышатся шаги по гравию. Две пары ног поднимаются по железным ступеням. Подавленная Злата встает и оправляет юбку. Она успевает спрятать разорванные трусики, но слезы не в силах остановить.

В будку входят Антон и Денис.

– Ты чего? – Антон пялится на плачущую сестру.

– Там воют. Возвращайтесь живыми. – Злата выдавливает слова и рыдает в голос.

Антон обнимает сестру. Денис обхватывает их обоих. Я сгораю от стыда и радуюсь, что присоединиться к объятиям четвертому человеку в тесной будке невозможно. Не представляю, как бы Злата отреагировала на мое прикосновение.

Антон утешает сестру обещанием вернуться. Звучит уныло. Денис натужно храбрится. Куда подевалась его самоуве-

ренность?

Такое впечатление, что сейчас наш вожак откажется от опасной затеи. Полчаса назад я бы поддержал такой поворот, но теперь... Если мы останемся в Дальске, как я буду смотреть в глаза Злате? Уж лучше на фронт.

– Нам пора! – решительно заявляю я. – Еще билеты купить. Ну же!

Мы на перроне. Проходящий поезд останавливается на три минуты. Денис и Антон через силу улыбаются, получается плохо. Злата избавилась от слез и словно повзрослела. Женщины быстрее ощущают реальность. На прощание она обнимает каждого, даже меня. Только со мной ее тело каменеет.

– Берегите себя! Я буду ждать! – кричит она уходящему поезду.

Вряд ли эти слова относятся ко мне. Долгие месяцы Злата ждала брата и друга, а выжил только ее насильник.

Как я выжил? Почему остальные погибли? В моих воспоминаниях черный провал.

– Ретроградная амнезия – защитная реакция организма, – констатировал доктор Юрий Николаевич.

От чего я защищаюсь? От собственного страха? Или от ужасной правды? На войне столько ужасного, что я ко всему привык. А правда бывает болезненной и позорной. Неужели, я специально заблокировал память, чтобы не узнать правды?

Нет. Я хочу вспомнить!

В последний день перед роковой ночью, когда все погибли, шел длительный бой. Мы палили из миномета без отдыха, меняли позицию, израсходовали весь боекомплект. Огненный вал позволил оттеснить противника, наши штурмовые отряды ушли на зачистку отвоеванных позиций.

А нам привезли новые мины. Полный грузовик. Да, так и было! Это я помню. А дальше?

Ночь... Я за деревом... Один... Где остальные? И... Ну же, вспоминай!

Трясу головой от досады. Пустота. Будто падаешь в черный колодец и не за что зацепиться. Вот, что означает ретроградная амнезия.

«Благодарю за то, что есть. Дай Бог, чтобы всё было хорошо. Спаси и сохрани, – шепчут мои губы и заикливаются: – Спаси и сохрани, спаси и...»

– Контуженый! Молись про себя.

Я вздрагиваю, открываю глаза. Рассветные лучи солнца заталкивают ошметки ночного мрака под кровати. Раненый боец в больничной пижаме опирается одной рукой на костыль, в другой мнет сигарету. Приходит понимание: я в больнице, страшный взрыв в прошлом. Я спасен и сохранен. Только я. Все мои товарищи погибли.

– Я про себя, – объясняю соседу по палате.

– Спать не даешь, Контуженый. «Спаси сохрани» еще терпимо, но крики: огонь, выстрел! – раненый качает головой и ковыляет из палаты на лестницу покурить.

Когда он возвращается, я подзываю его:

– Друг, выручи. Телефон есть? Мне позвонить надо.

– Ты ж ни хрена не помнишь.

Мой телефон разбит, и я действительно не помню ни одного номера. Даже телефон мамы вышибло из памяти. Я показываю бойцу заявление в ЗАГС, где записано имя девушки, ее адрес и телефон.

– Один сохранился. Злата Солнцева.

– Невеста?

Мне хочется в это верить, и я киваю. Боец решает:

– Перед завтраком дам. А то наших разбудишь и невесту свою напугаешь.

Но соседи по палате уже проснулись. Меня поддерживают:

– Дай Контуженому позвонить.

– Пусть с девкой гутарит, а не с минометом.

– И на громкую поставь.

В моей руке телефон. Набираю номер Златы. Жду. В палате тишина, все прислушиваются. Обычные ценности мирной жизни особенно остро познаются после воскрешения на больничной койке.

В течение месяцев службы я не решался звонить Злате. В ночь расставания я добился физической близости с желанной девушкой, но плотская радость оказалась сиюминутной. Насилие, подобно взрыву, обожгло нас, отбросило друг от друга и разделило преградой. С моей стороны завеса стыда, с ее – презрения.

В окопах и блиндажах я прислушивался к разговорам Чеха с сестрой, и Шмель запросто рассказывал Злате о героических буднях. Обо мне Злата не спрашивала – вычеркнула из жизни. Я накручивал себя самоуничижительной мыслью: если погибну только я, ей станет лучше. Но случилось ровно наоборот.

Долгие гудки в телефоне прерывает долгожданный голос:

– Да, слушаю. – Злата говорит отчетливо и громко, чтобы

перекрыть шум железной дороги.

Проводница в рейсе, догадываюсь я, и бодро кричу:

– Злата, это я, Кит!

– Кто?

– Никита Данилин.

После долгой паузы я слышу изумление вместо радости:

– Ты жив? А Денис?

– Я жив. Я в больнице в Луганске.

– Мне сообщили о гибели брата. Звонила Денису, нет связи. Я думала, все погибли. Что с Денисом?

Злата второй раз спрашивает о Денисе Шмелеве, не интересуясь моим состоянием.

– Злата, Дениса больше нет. Нас накрыло снарядами. Меня тоже крепко зацепило, не сразу очнулся.

– Ты жив, а Дениса нет. Антона нет, – потеряно лепечет Злата и переходит на громкие упреки: – Почему выжил только ты?

Вопрос в лоб. Она словно чувствует мою вину, а мне нечего ответить.

– Не помню. Я контуженый.

Жалкое оправдание. Я командир и отвечаю за жизнь подчиненных. Если я выжил, а они нет, значит, я виновен. Друзья погибли из-за меня.

Злата сыпет справедливые обвинения:

– Ты уцелел, как тогда в ночном клубе. Сам без синяка и царапины, а они пострадали! Ты в стороне, а они в пекло!

Ты трус, а парни герои!

– Нет. В смысле, они герои... Но я не трус.

– Не герой уж точно. Ты... Ты...

Я слышу ее плач и прикрываю телефон. Я знаю, что она вспомнила. Перед глазами будка машиниста, плачущая девушка на полу, и я грубый, жестокий, самодовольный насильник. Какой же я идиот!

– Злата, я приеду и все объясню.

– Не приезжай, я не хочу тебя видеть.

– Я теперь другой.

– А я хочу прежних Дениса и Антона!

Злата истерит и в любой момент бросит трубку. Я тороплюсь:

– Скажи моей маме, что я в порядке. Почти вылечился.

– Жаль!

– Только память отшибло, но тебя вспомнил первой. – Я считаю сказанное комплиментом и жду реакции Златы.

– Теперь забудь! – бросает она.

В трубке отбой.

Я в центре внимания нашей палаты. Озираюсь и выдавливаю растерянную улыбку. В ответ понимающее сочувствие. И без громкой связи все слышали разговор. Подколок не последовало – и на том спасибо.

«Забудь, забудь, забудь...» Последние слова Златы терзают сердце. Душевная боль затмевает физическую. Нужно с ней встретиться, объяснить, я не виноват, что мне повезло.

Во время обхода врача я требую:

– Выпишите меня, доктор. Я здоров.

Юрий Николаевич просматривает рентгеновские снимки, результаты анализов, оценивает мое состояние.

– Оптимизм одобряю, но о выздоровлении говорить рано. Без болеутоляющих ты встать с постели не сможешь.

– Смогу! Я сам хожу в туалет.

Я спускаю с кровати ноги, опираюсь правой рукой о постель и рывком сажусь. Под ребрами вспышка огня, в глазах пелена мрака, в голове прилив тяжелой мути – только бы не грохнуться. Еще усилие и я поднимаюсь на ноги, стиснув зубы. Делаю несколько шагов по палате. Трубки из груди удалили, сифонов в руке нет – почти свобода. Изображаю лихую улыбку и возвращаюсь к доктору.

Юрий Николаевич заглядывает мне в глаза.

– Ладно. Затягивать с ключицей нельзя, нужно делать операцию. Оформлю тебе направление в госпиталь Ростова-на-Дону. Ты ходячий, доберешься сам. Болеутоляющие выдадим. Там ключицу соединят титановой пластиной. Ребра постепенно срастутся, а с головой...

Доктор задумывается.

Ему подсказывает шутник с соседней койки:

– Титановую пластину ему на голову. Чтобы Контуженый стал Терминатором!

Врач-хирург работает без выходных, видел всякое и к шуткам не расположен. Он делает пометки и говорит:

– В твоём случае, Данилин, контузия быстро не пройдет. Я выпишу спазмолитики. Принимай при сильных головных болях. Носовое кровотечение беспокоит?

– Ерунда, – заверяю я, чтобы врач не передумал.

На следующий день я меняю больничную пижаму на свою военную форму выстиранную и заштопанную. За выписными документами иду к Юрию Николаевичу на верхний этаж. Медсестра Марина опасается, что я свалюсь с лестницы, и помогает мне. Я возражаю, иду сам. Ноги работают, но она беспокоится о голове.

Если на нашем этаже лежат раненные с фронта, то на верхних – гражданские, пострадавшие от обстрелов. Их не меньше, чем военных. Бьют по городам из крупных калибров, а бронежилеты и каски людей на защищают.

– В последнее время укры лютуют, палят куда попало. – Марина вздыхает и показывает. – А это детская палата. Уж лучше взвод бойцов лечить, чем одного ребенка.

Мимо нас по лестнице двое молодых хлопцев проносят раненного на носилках. Я с удивлением замечаю на раненном шеврон с украинским флагом!

– Пленных мы тоже лечим, – поясняет Марина. – А помогают вылеченные военнопленные. Лифт не работает. Они таскают еду и носилки на этажи.

– Не сбегут? – удивляюсь я.

– Что ты! Сами вызвались. Второй раз быть пушечным мясом – ни за что.

Хирург Юрий Николаевич что-то пишет за столом, кивает, чтобы я сел. Его халат расстегнут, рукава закатаны, я смотрю и понимаю, что-то не так. Его руки и лицо белые, нашее нет деревенского загара с четкой границей. После донбасского лета такое невозможно! Если только...

До меня доходит – вместо солнца у хирурга каждый день бестеневые лампы операционной.

Смущаюсь, перевожу взгляд. На углу стола пластиковый бокс с разными осколками.

– Осколки после ваших операций? – догадываюсь я.

Слышу тяжелый вздох.

– После неудачных. С этими я не справился.

Хирург достает из бокса стрелу-дротик размером со средний гвоздь.

– Если бы она шла ровно, навывлет... Вращается, падла, и рвет все подряд.

В коробке сплошь мелкие осколки. За каждым кусочком металла оборванная жизнь. С крупными осколками до больницы не довозят.

Юрий Николаевич зачерпывает горсть рваного металла:

– До лета в основном советские попадались, а с июня сплошь натовская дрянь.

– Запад в открытую с нами воюет, – подтверждаю я. – Кроме оружия, наемники, инструкторы, спутники.

Уставший хирург грозит кулаком:

– Я мечтаю, чтобы эти осколки вернулись обратно в те страны, где их произвели. Не экспонатами выставки против нацизма, а напрямик «Калибрами» и «Искандерами».

– Зарвутся – получают! – обещаю я.

Юрий Николаевич передает мне бумаги с выписным эпикризом и направлением на операцию в военный госпиталь. Замечает прилепленную бумажку с номером телефона.

– О тебе спрашивал Тарантино. Просил ему перезвонить. Знаешь такого?

– Командир батареи.

– Тогда звони.

Врач набирает номер и передает мне телефон. Как только слышу соединение, говорю, как в рацию:

– Вызывает Кит. Прием!

– Выжил все-таки, Кит. Тогда готовься. У ребят вопросы, – устало отвечает командир.

– Какие?

– Серьезные. Всех накрыло, а ты живой. Как? Ты командир расчета. Почему тебя не было с ними?

– Я не помню.

– Такое оправдание для Вепря не прокатит.

– Для Вепря?

– И для меня тоже. Случай странный и пахнет дурно.

– Чем?

– Ты и правда не врубаешься?

Я мотаю больной головой, не соображая, что Тарантино меня не видит.

Он понижает голос, но говорит без сочувствия:

– Кит, ты под подозрением. Подозрения серьезней некуда.

В предательстве! Теперь допер?

Я раздавлен. Некоторое время молчу и спрашиваю:

– И что мне делать?

– Всё вспомнить! Или...

Тарантино не договаривает. Перед моими глазами Чапай, зачитывающий заповеди. «Первый грех – предательство. За это расстрел».

На ватных ногах я возвращаюсь к Марине. Медсестра выдает таблетки, делает обезболивающий укол, оценивает мой поникший вид и вкалывает другое лекарство.

– Прими покрепче, на посошок. До госпиталя доедешь, – обещает она.

Шесть часов пути на маршрутном автобусе – и я в Ростове-на-Дону. Боль терпима. Марина была права – на дорожку лекарства хватило.

В дороге мне было о чем подумать. Меня обвиняют в гибели друзей самые близкие люди. Сначала Злата, которая ничего не знает, только чувствует. Затем командир, который

знает даже то, чего я не помню. И в душу заползает сомнение.

Моя вина в том, что я выжил? Или отшибленная память засыпала прахом реальную подлость? Как разобраться? И что ответить, когда спросят по-настоящему?

На Ростовском автовокзале я принимаю решение – госпиталь подождет. Ищу автобус в родной Дальск.

И вот я в нашем дворе. Левая рука подвязана бандажом косынкой. Каждое движение отдается острой болью в груди. Опускаюсь на скамью, принимаю обезболивающее. Через час-другой должно стать легче.

Накатывает воспоминание. Я с лучшим другом Антоном возвращаюсь из армии, нас встречает радостная Злата. Сейчас я тоже вернулся из армии с настоящей войны, и на мне военная форма. Не такая красивая, как раньше, без значков и аксельбантов. Даже шеврон «Группы Вагнера» пришлось снять, как предписано в контракте. Но главное отличие – я один. Друга нет. И Злата не бросится мне на шею.

«Злата, я должен объяснить тебе...»

Я плохо соображаю, какие найду слова для оправдания, но ноги сами собой ведут меня в ее квартиру.

Дверь открывает ее отец, наш школьный учитель литературы Павел Петрович Солнцев. Каждый сентябрь он задавал сочинение на тему: «Как я провел лето». Я грыз ручку над чистым листом тетради и мучительно выдумывал, что же было такого особенного в стремительно пролетевших трех месяцах.

Вот сейчас бы мы написали, как провели лето. Читай, дорогой учитель, только запасись валидолом. За спиной не лето, а новая жизнь на границе смерти.

Спохватываюсь: не мы, только я. Новая жизнь стала последней для моих друзей. Без матерных слов мое сочинение не получится, хорошей оценки всё равно не видать.

Вжимаю голову под взглядом Павла Петровича. Антона со мной нет и немой упрек читается в глазах его отца. Я оправдываюсь, как опоздавший ученик:

– Только приехал. После ранения отпустили.

Павел Петрович освобождает проход, я захожу в квартиру. Меня встречает Анна Николаевна, мама Златы и Антона.

В первый момент женщина шокирована:

– Это ты, Никита?

Я смотрюсь в дверцу зеркального шкафа. Осунулся, щетина, белесые волосы на висках, а глаза взрослые, чужие. Это не прежний Никита Данилин, это новый человек – Контуженый.

Анна Николаевна спохватывается. Она воспитательница детского сада и говорит четкими инструкциями:

– Проходи, Никита. Садись. На стул садись, за стол. Я принесу воды. Пей.

Я выпиваю целый стакан, жду, верчу головой, прислушиваюсь. Злата не появляется.

Спрашиваю:

– Злата в рейсе?

– Наша Злата уволилась. И уехала с вещами.

– Куда?

– Отсюда. Как устроится, позвонит.

Новость шокирует. Дениса нет, Антона нет, а я Злате не нужен. Она так и сказала – забудь! И не дала шанс оправдаться.

Горькая правда гложет изнутри и добавляет боли. Я верчу в руке пустой стакан и концентрирую на нем раздражение.

– Как это... Как это произошло? – спрашивает Павел Петрович.

Опускаю руку между колен, чтобы не грохнуть стакан о стену. После долгой паузы отвечаю:

– Взрыв. Прилетело по нам. Меня отбросило и контузило. Ничего не помню.

– Ты видел его? Видел Антона мертвым? – выдавливают Анна Николаевна.

– Я очнулся в больнице. Взрыв был мощный. Сказали, что я единственный выживший.

Лучше бы я не произносил, что выжил только один. На бледном лице Анны Николаевны появляются красные пятна.

Она требует:

– Ты же командир, Данилин. Воспитатели отвечают за жизнь детей, а командиры за жизнь бойцов. Ты в ответе за жизнь нашего сына!

Что сказать на правильные слова? Лихой вояка Вепрь на упреки отвечал просто. Он кричал: «это война, бля, а не детский сад!»

Я повторяю только без крика. И только первую часть без мата:

– Это война. – И добавляю, понутив голову: – Простите.

– Будь проклята эта война! – срывается Анна Николаевна. – Зачем мы туда полезли? Жили бы, как раньше. Ведь хорошо же было!

Она закрывает лицо и плачет. Ее плечи трясутся от рыданий. Она не может совладать с нервами и уходит в спальню.

Павел Петрович горбится. Вздыхает и молчит. Он родом из Таганрога. Там родился писатель Антон Павлович Чехов. Учитель литературы назвал сына Антоном в тайной надежде, что его Антон Павлович, станет новым Чеховым. Антон стал просто Чехом. А теперь и Чеха не стало.

Я поднимаюсь, прихватываю стакан. Меня не провожают. Выхожу из подъезда и со всей дури швыряю стакан в стену дома. Сломанные ребра отзываются острой болью, но хлопок из стеклянных брызг чуть умирят шум в голове.

Плечусь домой в соседний подъезд. Поднимаюсь пешком на пятый этаж. Как же много ступенек, раньше я их не замечал. Перед родной дверью восстанавливаю дыхание, пульс все равно бешенный.

Жму на звонок. Шаги, поворот замка и – шокированная счастьем мама.

Мама обнимает меня, трогает, словно не доверяет зрению, плачет и радуется. Ее слезы вбирает камуфляжная форма. Она ведет меня за руку, как маленького, боится потерять. И не знает, куда.

На кухне на стене икона. В спальне на ее тумбочке тоже.

Раньше икон в доме не было. Раньше дома был я и не было войны.

Первое волнение проходит. Мама суетится, не знает, чем угодить, кормит и причитает:

– Как про Антона Солнцева сообщили, у меня сердце остановилось. Но я верила, что ты жив. Ведь ничего неизвестно, и я верила. Потом Злата пришла и сказала, что ты в больнице. Какое счастье!

Злата все-таки выполнила мою просьбу. Может, между нами, не все потеряно.

– Почему ты сразу мне не позвонил? – отчитывает мама. Не рассказывать же ей про контузию и потерю памяти. Есть оправдание попроще:

– У меня телефон разбился. Только номер Златы был записан.

– Злата рассказала про тебя. Мы поплакали, нога все-таки. Но главное, что живой! Жив мой сынок, и скоро вернется.

– Мам, у меня не нога, а плечо сломано. И несколько ребер.

Показываю подвязанную левую руку. Про голову молчу. Надеюсь, что туман в мозгах когда-нибудь рассеется.

– И правда. – Мать охает, обходит меня, рассматривает мои ноги. – Ноги на месте.

– Конечно, мама! Левую зацепило осколком. Зашили и все!

– А Злата сказала, что тебе нужен протез. – Мать напря-

гает память, вспоминая разговор: – Никита не звонит, чтобы вас не расстраивать. А на самом деле протез ему нужен срочно. Так она и сказала.

– Ерунда! Я такого не мог сказать. Видишь?

Мать растеряна. Признается:

– А я взяла кредит. Миллион рублей. Всё отдала Злате на протез. Она уехала к тебе. Ты вернулся один?

Я поражен:

– Мама, кто тебе дал миллион?

Она достает бумаги. Договор с конторой «Быстрокредит». Один миллион рублей на шесть месяцев под восемьдесят процентов годовых! И под залог нашей квартиры!

– Ты заложила квартиру?

– Иначе денег не давали. Думала, ты приедешь, мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы ходил.

– Я хожу! Смотри!

Встаю из-за стола и хожу по комнате, словно это что-то изменит.

Мама по-прежнему в недоумении:

– Злата взяла деньги для тебя. Что она сказала?

– Она ко мне не приезжала.

– Где же она? Пусть вернет деньги.

– Зачем она вообще их брала! У нас же есть общие с ребятами.

Я ничего не понимаю. Есть общие деньги от ЧВК, которые получала за нас троих Злата. Наши немалые зарплаты и

премии за победы – этого на любой протез хватит. А за ранение я получу большую страховку.

– Я разберусь, – обещаю маме и выпиваю обезболивающее.

Нахожу в своей комнате ключ от паровозной будки и ухожу из дома.

– Ты куда? Ты скоро? – волнуется мама.

Я иду к паровозу-памятнику «Победа» с красной звездой и красными колесами. Открываю будку машиниста. Внутри все по-прежнему. Поднимаю сиденье, проверяю тайник. В ящике пусто! Я точно знаю, что Злата складывала сюда общие деньги. Шмель часто говорил об этом и даже подсчитывал сумму.

Я заглядываю под другое сиденье, просовываю руку в шуровочное отверстие паровозной топки, обшариваю все щели и ниши. Денег нет.

Что за чертовщина? Злата исчезла с общими деньгами? Это ее месть мне?

Но в тайнике были не только мои деньги. Антон, Денис и я – мы дружим с детства, а Злата всем, как родная. Мы доверяли друг другу. Деньги собирались ради общей мечты. Они оплачены потом и кровью, даже смертью. Злата прекрасно об этом знает. Она не могла украсть – внушаю я себе. Она не воровка.

Опускаюсь в кресло машиниста. Ребра ноют, в голове сумбур. Ох уж эти деньги, они так значимы в мирной жизни и

совершенно бесполезны на войне. На передовой я о них не думал, для этого у нас был Шмель.

После тяжелых боев и взятия Попасной всем «вагнеровцам» выписали премию. Досталось и нашему расчету. Мне вспоминается тот вечер.

...Мы в окопе, готовимся к ночевке. Шмель курит, скрывая огонек в кулаке. Он выработал такую привычку, чтобы враг не заметил. Как говорится, береженого бог бережет. «Птички» с оптикой и по ночам работают.

Командир батареи Тарантино сообщает мне по радиации о премиальных. Я диктую суммы подразделению. Для меня это абстрактный цифры, а Шмель радуется:

– Классно! Так я служить согласен.

Он подсчитывает накопления на будущую автомойку, а Чех считает дни до окончания контракта. Один мечтает о максимуме, другой ждет минимума.

Через несколько дней Чех звонит сестре:

– Злата, нам премию отвалили. Ты деньги получила?

– Привезли. Я обалдела!

Шмель перехватывает трубку:

– Злата, действуешь, как договаривались? Все бабки в тайнике, никому ни гу-гу?

– Ну да. А что?

– Золотце ты наше.

– Как вы, мальчики?

– Всё норм! Нациков к Бандере отправляем. И мышцы на-

качали. Мина шестнадцать кило, я таких в день десятками кидаю.

Мне хочется оправдаться перед Златой, но как это сделать не представляю, и просто хвастаюсь. Говорю, как бы невзначай, в надежде, что девушка меня услышит:

– Мне, как командиру, премия на тридцать процентов больше.

Однако Шмель говорит громче:

– Злата, к тебе Лупик не пристаёт?

– Подкатывал. Сказала, что ты приедешь с автоматом.

– Я минометом его автомойку накрою! С конкурентами только так.

– Серьезно?

– Все будет Ок! До встречи!

Шмель заканчивает разговор и толкает меня в грудь.

– Кит, что за жлобство. – Он передразнивает: – «Я командир. Мне больше». Все бабки общие!

– Я просто хотел...

– Если жмотство душит, так и скажи. Мы с Чехом без тебя бизнес поднимем. Да, Чех?

– Кит, Шмель, – Чех напоминает о детском уговоре: – Один за всех, все за одного.

– А Кит так не думает.

– Проехали и забыли! – рывкаю я командирским голосом.

Тогда в окопах предмет для ссоры казался пустяковым. Есть где-то деньги – и ладно. Нет – и пусть. Главное вы-

жить...

И вот я выжил, сижу в паровозе, который не ездит, на ящике-тайнике, в котором шаром покати, и чувствую себя ограбленным. Деньги вернули свою силу.

Обескураженный я покидаю наше тайное место и плетусь на привокзальную площадь. В голове тяжелый туман. Златы нет, денег нет, лучших друзей нет и не будет, и я не знаю, что делать.

На меня с радостным визгом налетает девушка.

– Никита! Вот ты где!

Вглядываюсь. Это Маша Соболева. На ней жилетка магазина «Магнит». Выскочила из магазина и даже не переоделась.

– А мне сказали, ты вернулся. И я сразу...

Маша обхватывает меня и прижимается. Тут же отстраняется и стучит кулачками в грудь:

– Зачем ты на войну поперся! Зачем, зачем, зачем?

Сломанные ребра стонут под легкими ударами. Если бы не обезболивающее я бы взвыл, но не подаю вида. Надоело быть слабым. О чем она спросила? Про войну.

– Я не мог не поехать. – Ничего другого моя голова не придумала. – Мы так решили с друзьями.

– Почему мне не сказал? Не предупредил.

– Быстро все получилось.

– А если бы я попросила остаться, ты передумал?

Я вглядываюсь в Машу и пытаюсь вспомнить, между нами что-то было? Она так радуется встрече, а я равнодушен.

Наверное, не было, ведь Маша не Злата, и даже со Златой у меня получилось плохо. Это я помню, а лучше бы забыл.

Качаю головой:

– Нет, не передумал.

– А твоя мама?

– Мама есть мама. Она молилась и ждала.

– А я... Я для тебя носки связала.

– Какие еще носки?

– Теплые, шерстяные.

– Летом?

– Я первый раз в руки спицы взяла. Не знала, как начать, вязала, распускала...

Маша еще что-то лопочет, а на меня накатывает раздражение: кто она такая, чтобы перед ней оправдываться?

– Дай телефон, – требую я.

Маша протягивает трубку. Я нахожу в контактах имя Златы Солнцевой. Жму вызов. Вместо ответа техническая беллиберда.

Я злюсь:

– У тебя неправильный номер.

Набираю по цифрам телефонный номер из заявления в ЗАГС и опять слышу – «Абонент выключен или...».

Маша видит, кому я звоню. Хмурится.

– Злата сказала, что ты контужен и ничего не помнишь.

– Я Контуженый, но помню, как звонил ей и сказал, что руки-ноги целы. Целы! А она наплела про протез!

– Какой протез? – Маша пытается утихомирить мою разбушевавшуюся руку.

– Обманула. Мою мать обманула. Соврала!

Голова трещит, ноги заплетаются. Маша сковывает мои судорожные движения в крепком объятии. На ее светлые волосы капает кровь. Кровь из моего носа. Она отводит меня к скамейке, усаживает, вытирает кровь с лица бумажными салфетками. Я пью таблетку от головной боли. Жду, когда полегчает.

Маша говорит что-то успокаивающее, а я слышу, как объявляют прибытие пассажирского поезда. На этом маршруте работает Злата!

Я отталкиваю Машу и спешу на перрон. Хочу бежать, но не могу из-за сломанных ребер. Стоянка поезда десять минут, я должен успеть найти Злату.

Иду вдоль состава от вагона к вагону. Вглядываюсь в лица проводниц. Те видят меня и шарахаются.

Замечаю полненькую проводницу со знакомым лицом. Смотрю на бейджик – Оксана. Точно! Оксана сменщица Златы.

Насадаю с вопросами:

– Где Злата? Она работает здесь.

– Злата уволилась.

– Когда?

– После прошлого рейса.

– Почему?

– Вроде парень у нее погиб.

– Я жив! Она знает!

– Может, другой парень, – оправдывается проводница и отступает.

Я выхожу из себя:

– Мне надо с ней поговорить. Где Злата?

На шум прибегает бригадир поезда:

– Молодой человек, не мешайте работать.

– Она прячется в поезде! – решаю я и заскакиваю в вагон.

Оксана объясняет бригадиру:

– Он с Донбасса. Контуженный.

Я иду по вагону, заглядываю в каждое купе. Поезд трогается. На перроне мечется встревоженная Маша. Она ловит мой взгляд через окно и бежит следом, цепляясь глазами за глаза, словно такой сцепкой хочет удержать поезд.

А я ищу Злату, хлопаю раздвижными дверцами купе и требую:

– Злата, выходи! Это Никита. Кит! Контуженный!

Меня хватает бригадир, пытается утихомирить:

– Контуженный, покиньте состав!

Теперь я другой, не тот робкий парень из ночного клуба. И бю первым. Благо, правая рука в порядке. Бригадир отшатывается, но держит удар.

Проводница Оксана вопит и зовет на помощь. Высовываются пассажиры, прибегает проводник-мужчина. В меня вцепляются несколько рук, я пытаюсь отбиваться и падаю.

Сломанные ребра и ключица обдают внутренним жаром, меня обездвиживает жуткая боль. Мелькает мысль, сейчас бы оружие.

И вот я со связанными руками в купе проводников.

Вспотевший бригадир в разорванной рубашке увещевает.

– Ты пойми своей дурною башкой. Злата Солнцева уволилась по собственному желанию. У нас ее нет!

– Неправда.

– Правда! – с жаром доказывает бригадир.

Я прислушиваюсь к боли в голове – умеренный шум. Нос не кровоточит, как бывало в тех случаях, когда меня подло обманывали. Получается, мне говорят правду.

Бригадир называет дату увольнения. Злата уволилась сразу после разговора со мной из больницы. Я обещал приехать, а она не хотела меня видеть. Она обманула мою мать. Заставила взять кредит, присвоила деньги и исчезла. Злата воровка!

Но почему? Ей достаточно было денег из тайника. Зачем подставлять мою мать? Это личная месть? Или Злата попала в беду? Я теряюсь в догадках.

– Послушай, боец, – втолковывает мне бригадир. – Я могу вызвать наряд на ближайшую станцию, а могу тебя отпустить. Ты успокоился?

– Я Контуженый. Мне надо в госпиталь. Направление в кармане.

Бригадир достает медицинские бумаги, читает и делает

шаг к примирению.

– Так нам по пути, боец. Мы скоро будем в Ростове-на-Дону. Я развязываю? Ты не будешь бузить?

– Извините, с головой что-то.

– Понимаю, ранение. – Бригадир развязывает мне руки. – До Ростова сиди здесь, только тихо. Оксана, дай ему чаю.

Проводница приносит чай в подстаканнике, подвигает печенье. Я пью, она с опаской наблюдает за неуравновешенным пассажиром.

Вскоре женское любопытство берет вверх:

– Слушай, тебе зачем Злата? Бесишься из-за любви или отомстить хочешь?

Я смотрю, как подрагивает чай в стакане. Вопрос застает меня врасплох. Люблю или ненавижу – полярные варианты, а я не могу выбрать. Всему виной голова.

Глотаю чай и признаюсь:

– Не знаю. Я Контуженый.

Проводница разочарованно кивает и оставляет меня.

Остаток пути я мучаюсь ее вопросом, но не нахожу ответа. Прибытие в Ростов переключает уставший мозг на более простую задачу. Я покидаю поезд, держа в руке направление в военный госпиталь.

При выходе на привокзальную площадь ушлые таксисты зазывают клиентов. Я показываю мордатому таксисту адрес госпиталя.

Тот скептически оценивает мой внешний вид:

– А деньги у тебя есть?

Подходит другой, разглядывает подвязанную руку:

– В госпиталь? Ты с фронта, брат?

Я киваю. Таксит мне радуется, как родному:

– Садись, за так доведу. Ты только Расскажи, как там в Донбассе?

Я осторожно опускаю больное тело в такси, откидываюсь в кресло.

– Арта бьет снарядами, мы накрываем минами, «музыканты» идут на штурм.

– Работают братья?

– Еще как работают.

– Что скажешь, победим бандеровцев?

– Россия всех победит, – заверяю я.

– Когда?

– Когда всех или только бандеровцев?

Таксист широко улыбается, одобрительно кивает и включает донбасские песни.

В Ростовском военном госпитале меня обследуют заново: рентген, анализы, МРТ. Здесь врачи разного профиля проводят осмотр по своему направлению.

Старый невролог с мохнатыми седыми бровями в очках на кончике носа разглядывает снимки моего мозга и бормочет невнятно:

– Ушиб головного мозга... Пластинчатая эпидуральная гематома в левой лобно-теменной... – Он чувствует, что я прислушиваюсь, поднимает взгляд поверх очков и успокаивает: – Угрозы для жизни больше нет.

Я сглатываю ком в горле.

– Какой жизни? На таблетках?

– На своих ногах и с двумя руками! – отвечает врач повышенным голосом, снимает очки и вновь проявляет снисхождение: – Ты молодой, мозг должен адаптироваться. А пока, будь добр, принимай лекарства.

Я получаю рецепты и список рекомендаций.

С ключицей проще. Хирург где-то у себя смотрит рентгеновские снимки и назначает операцию. Об этом мне сообщает медсестра. Она делает укол на ночь и инструктирует:

– Утром не есть, не пить. За тобой придут, когда надо, и отвезут в операционную.

Просыпаюсь, жду. Проходит час, другой, третий. К обеду

в желудке просыпается наглый червячок аппетита, разрастается, шевелится, издает нудные трели.

Тащусь на пост медсестры:

– Про мою ключицу не забыли?

– Сначала оперируют тяжелых и по экстренным случаям.

Ключица подождет.

– Можно обедать?

– Не вздумай!

Покорный вздох, глаза в пол, возвращаюсь в палату. Куда я ходячий со своей ерундовой проблемой, в госпиталь вертолетами с поля боя эвакуируют.

Вечером, наконец, привозят каталку за мной. Я в операционной под яркими лампами. Анестезиолог налаживает катетер на запястье, заглядывает в глаза, и я проваливаюсь в долгожданную пустоту.

Прихожу в себя голый в постели, когда уже темно. Наркоз отходит. В левом плече жгучая боль, рукой не двинуть. Пытаюсь надеть трусы одной правой – то еще упражнение. Если бы не помощь соседа по палате с позывным Григ я бы грохнулся с кровати.

Сна нет, состояние дерьмовое, но терпимое. Григ приносит чай и хлеб, оставшийся после ужина, помогает отвлечься. У нас много общего, он тоже из «музыкантов Вагнера», и мы болтаем полночи.

Григу слегка за тридцать. Он попал в «Группу Вагнера» из колонии строго режима.

– Приехал мужик и доходчиво растолковал нам зекам, что в жизни каждый имеет право на второй шанс, но его надо заслужить. Заслужить с оружием в бою на Донбассе.

– Лысый и энергичный мужчина? – уточняю я. – Сам глава ЧВК к вам пожаловал.

– Сразу видно, серьезный начальник, – подтверждает Григ.

– Он попусту трепаться не будет.

– А то! Рубил правду-матку, что нас ждет на войне. Ему нужны только штурмовики, самые смелые и борзые, такие и выживают. Рассказал и про смерть. Но это не смерть в пьяной драке. Погибший в бою, станет героем.

– И как, ты медаль заслужил?

– То сейчас я с медалью, а тогда решать надо было здесь и сейчас. Согласен – с тобой беседуют. Подходишь – назад хода нет. Обратку не включишь, в колонию не вернешься, – рассказывает Григ.

Я знаю, как «вагнеровцы» поступают с дезертирами, и молчу. А Григ и сейчас сам себе удивляется:

– Я семь лет на зоне отсидел, до воли пять месяцев, а я подписался на шесть.

Тут уж и я удивляюсь:

– Почему?

Он сводит брови и гнет шею:

– Я такое накуролесил... Это мой шанс вернуться домой человеком.

Я понимаю его и киваю:

– Хочется жить по-людски.

– И мое погоняло оказалось в тему. Я Григорий, короче, Григ! Назвал себя на беседе, мне улыбаются – наш! Григ почти Вагнер, тоже композитор. Был ЗК, стал боец ЧВК!

Григ воевал в штурмовом отряде бывших заключенных. Из них получаются выносливые, крепкие, неприхотливые и дисциплинированные бойцы. Их посылают в самое пекло, где выживают самые дерзкие и отчаянные. Григ выжил. Через полгода получил тяжелое ранение и билет на свободу, но жаждал вернуться в боевой строй.

– Куда я с такой рожей, только врагов пугать.

У Грига обожженная щека и шрамом исковеркана губа еще от бандитской жизни. Если первый раз увидишь – кровь стынет в жилах. Григ об этом знает и посмеивается, отчего становится еще страшнее.

– Мы же за огневым валом идем. Такая тактика. Прижимаемся вплотную к разрыву снарядов и, пока враг не очухался, заскакиваем в траншеи. А там уже кто ловчее. Я зубы скалю, у них шок, у меня фора.

Наша батарея тоже двигала огневой вал перед штурмовиками Вепря. Ювелирная артиллеристская работа: один миномет работает дымовыми минами, чтобы наших не было видно, а другой осколочно-фугасными подавляет врага. Это я помню. Еще бы вспомнить, как я выжил, а остальные погибли.

Через несколько дней после операции меня выписывают. Получаю медицинские документы. На рентгеновском снимке ключицы отчетливо видна титановая пластина поверх сломанной кости, закрепленная восьмью саморезами. Как будто доску слесарь соединил, не жалея металла. Зато плечо теперь не опущено, а поднято на место.

Лечащий врач говорит коротко и по существу:

– перевязка через день. Снятие швов через десять в поликлинике по месту жительства. Месяц руку не нагружать. Через год пластину можно удалить.

– Снова операция? – спрашиваю врача и усмехаюсь: – Еще дожить надо.

Врач не спорит. И не видит ничего смешного в моих словах. На его столе нет коллекции смертельных осколков, зато в шкафу куча историй болезней, которые точнее назвать историями выживших и почивших.

Прощаюсь с Григом. Он уже месяц по больницам. Правую руку ему собрали по кусочкам, получилась короча. Два главных пальца, большой и указательный, взрывом оторвало, остальные Григ упорно разрабатывает. Про инвалидность и слышать не хочет, добивается разрешения врачей на продолжение службы.

Сегодня Григ светится от новости:

– Чапай меня в группу обнуления берет. Не штурм, но тоже важное дело. Согласен?

– Обнуления? – не сразу понимаю я.

– Спецгруппа в службе безопасности. Буду трусов и дезертиров обнулять. Рука не дрогнет. – Григ демонстрирует, как будет нажимать курок трехпалой ладонью. – В затылок предателю не промахнусь. А лучше в лоб, чтоб видел, гад!

Кровь отливает от головы, хватаюсь за спинку кровати. В пустом черепе перекатывается колокольный голос командира Тарантино: «Ты под подозрением. В предательстве». Обвинение – хуже некуда. Как оправдаться, не представляю.

– Контуженый, ты чего такой бледный? – беспокоится Григ.

В качестве объяснения я молча стучу пальцами по голове и покидаю палату.

– Хвост пистолетом. Еще увидимся! – кричит вдогонку радостный Григ.

Я чувствую холодок на затылке. Неужели меня ждет участь предателя? Явится такой, как Григ, и обнулит.

В прострации выхожу из госпиталя, топаю к остановке. Не сразу понимаю, что окликают именно меня. Кто-то говорит тихо, но отчетливо:

– Контуженый?

Сбоку пристраивается работяга в спецовке коммунальной службы. Он продолжает идти и говорит под нос:

– Ты на меня не смотри, я от Грига. Сигаретами угостишь?

Это условный пароль. Я не курю, но протягиваю заготовленную пачку. Помимо сигарет в ней свернутые деньги. Попутчик закуривает, пачку сует в свой карман.

– За следующим столбом пакет из фастфуда. На вокзале при входе сканируют. Из города езжай автобусом.

Человек в спецовке быстро уходит, а я подбираю бумажный пакет. У Грига обширные связи, его курьер не подвел. Среди бумажного мусора из фастфуда в пакете прощупывается тяжелый пистолет.

В госпитале на соседних койках мы быстро нашли общий язык с Григом и пришли к выводу, что на гражданке раненому бойцу необходим ствол.

Вспоминаю наш ночной разговор накануне выписки.

– Враги не только за линией фронта, но и в тылу, – яростным полупшепотом убеждает Григ. – Чтобы победить, нужно не обороняться, а нападать. Согласен?

Мне тут же видится Вепрь с его настойчивым «понял». Видимо, у штурмовиков последнее слово как контрольный выстрел.

– Мы бойцы! Какой боец без оружия. Согласен?

Мне хорошо рядом с Григом. С ним просто и ясно, у меня ни головной боли, ни крови из носа.

И я повторяю слова-заклинания:

– Все понял, согласен.

Прямолинейный решительный Григ и в быту напорист, как на фронте:

– Могу организовать ПМ. Хоть завтра. Согласен?

– Откуда?

– Контуженый, этого добра теперь за глаза и под ребра.

Я помню свою беспомощность в стычке в поезде и помню о своих планах. У меня есть важное дело в Дальске. На первый взгляд бытовое, однако, к гадалке не ходи, мирной беседы не получится, потребуется сила. А какая сила, если «месяц руку не нагружать». Чтобы исход «мирной беседы» был в мою пользу лучше иметь оружие.

В госпитале я отвечаю Григу согласием, и теперь в моем кармане приятная тяжесть – пистолет Макарова с полной обоймой. Даже идти становится легче, чувствую прилив сил.

Я возвращаюсь в родной Дальск на автобусе. По дороге накручиваю себя и первым делом заглядываю в контору «Быстрокредит». Хочется ближе познакомиться с финансовыми «благодетелями», кто так щедро одарил мою доверчивую маму.

Это и есть мое важное дело – разобраться с мошенниками.

Вхожу в опрятное помещение, оформленное в деловом стиле. За белым столом девушка в белой блузке с зеленым платком на шее. Перед столом зеленые стулья. На салатовых стенах крупные постеры: счастливые лица всех возрастов, в руках деньги, над головами заклинание огромными буквами – УДОБНО, ЛЕГКО, НАДЕЖНО! Вся обстановка в зелено-белых тонах – цвета спокойствия.

Я тоже пока спокоен. Сажусь перед менеджером и разглядываю ее. Менеджера «Быстрокредита» зовут Ольга. Светлые волосы прилизаны, блузка по фигуре, шейный платок ей чертовски идет. Но она на стороне врага – красивая деловая сучка. Также я наблюдал за противником на линии боевого соприкосновения. Как бы ни были враги опрятны, с ними предстоит смертельная схватка.

Ольга чувствует настроение клиента и морщится от моего внешнего вида: потасканный камуфляж, согнутая рука зафиксирована бандажом, запах дальней дороги, а в глазах

звериная решимость.

Однако даже в таких обстоятельствах она пытается улыбнуться:

– Здравствуйте. Какую сумму вы просите?

– Я не прошу, а требую. Аннулировать залог и грабительские проценты.

– Вы о чем? – беспокоится менеджер.

– Я Контуженный. В миру – Никита Данилин. Вы дали моей матери миллион рублей, пока я валялся в больнице. Миллион я верну. А свои хотелки с процентами и залогом квартиры засуньте в жопу! Это не по-людски!

Ольга в очках. Очки ей тоже идут. Она производит впечатление серьезной бухгалтерши, которой все обязаны. От хамства она растерянна, но к скандалам привыкла.

Менеджер берет паузу, роется в документах, вчитывается в кредитный договор и прощупывает меня сквозь стильные очки:

– Кредит на лечение сына, то есть вас. Вы сказали, что Контуженный и лежали в больнице. Вам требуется платная операция или реабилитация?

Я возмущенно трясую головой:

– Не мути! Решай по-людски.

Ольга решает, как прожженный бюрократ. Она стучит ухоженным ноготком по подписи в договоре:

– Изменения условий подписанного договора может согласовать только Олег Рацкий. Он директор нашей кредит-

ной организации и мой муж. Приходите после восьми вечера, обсудим вместе с ним.

– После восьми. Муж, жена... – ворчу я.

– Семейный бизнес, – охотно объясняет Ольга. – Ваш вопрос сложный.

Я соглашаюсь, но предупреждаю:

– В восемь вернусь с договором мамы, чтобы его аннулировать.

– Мы поступим по закону.

– А надо по-людски!

Кажется, у меня появился свое слово – контрольный выстрел. Подействует ли оно на жадных финансистов?

Ольга Рацкая захлопывает папку и выталкивает меня вежливым голосом и ледяным взглядом:

– Разумеется. Будем ждать.

Я ухожу, пошатываясь от головной боли. Через витрину за мной наблюдает Ольга, накручивая кончик платка на палец.

Вечером мать уходит в ночную смену на хлебозавод, чтобы утром в магазинах был свежий хлеб. Она стала работать ночью после гибели отца на железной дороге.

– Ночью оплата выше, а днем я за тобой пригляжу, – объясняла она мне еще школьнику.

В детстве я был одет, обут, и все в нашей квартире было, как у соседей. Это было главной заботой мамы. Каждый год она копила на обновления: то новые занавески, то новый кран на кухню, чтобы одной рукой регулировать, а то и новый теле-

визор. Обо всех покупках непременно сообщалось соседям. В общем, старались жить не хуже других. Только на море мы ни разу не ездили.

«Зачем тратиться на отдых, лучше люстру купим – хрустальную! Твоим детям достанется», – убеждала мама.

Ее воспитание сводилось к вопросам. «Сынок, ты поел? Что получил? Уроки сделал?» Я кивал и спешил во двор в дружную компанию, где заводилой был Денис Шмелев. Так мы и сдружились: Кит, Чех и Шмель.

Около восьми вечера вслед за мамой я покидаю квартиру с кредитным договором. Во дворе встречаю Машу Соболеву. Ее озабоченное лицо прорезает улыбка.

– Никита, как прошла операция? Рука в порядке?

– До свадьбы заживет, – отвечаю банальной фразой.

Маша смущается, видит в моей руке документы в файле и меняет тему:

– Ты куда?

– С «Быстрокредитом» разобраться.

– Так они работают до восьми.

– Точно?

– Да. Я с работы отпрашивалась, чтобы к ним успеть.

Я не слушаю ее, иду быстрее. Какого черта встреча назначена после восьми? Мне пудрят мозги? С мозгами у меня беда, но это Рацкому с женой обманщицей не поможет.

Главный вход кредитной конторы закрыт, внутри темно. Обманули!

Из-за угла выглядывает менеджер Ольга Рацкая и машет рукой:

– Сюда. Через служебный вход войдем. Олег вас ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.